Все точки над i

Автор:
Татьяна Полякова

Все точки над i

Татьяна Викторовна Полякова

Одна против всех #3

Расставить все точки над i… Это главное и последнее дело, оставшееся в моей жизни… Я давно перестала бояться. Меня не страшит даже смерть. Но перед этим я должна убить своего самого главного врага – Ника. Врага, за эти годы ставшего… другом. Но я отомщу за все – за поломанную жизнь, за подругу Машку, за чувства, которые растоптали, оставив в моей душе лишь выжженное пепелище. Пепелище, где неожиданно родилась новая любовь, а с ней и надежда. Крохотная и призрачная надежда на то, что у этой страшной истории может быть happy end…

Татьяна Полякова

Все точки над i

Я шла по проселочной дороге, нервно оглядываясь и прислушиваясь к ночным звукам. Час назад я застрелила человека, хотя, с моей точки зрения, назвать его так можно было лишь в припадке благодушия. Я хотела его убить и сделала это. Прошел уже час с того момента, а перед глазами все еще стояли его лицо, искаженное болью, и кровь, что била фонтаном из-под его рук, которыми он схватился за горло, но, главное, его взгляд. Странный взгляд. В нем не было ненависти, только сожаление. И сейчас, думая об этом, я в очередной раз нервно поежилась.

Я двигалась расслабленно и устало, чувствуя, как на меня наваливается тоска, потому что еще там, стоя рядом с машиной, где обливался кровью Ден, я поняла: это убийство ничего не изменило. Человек, которого я ненавидела, истекал кровью, но мир остался прежним, и я опять не видела в нем места для себя.

На ходу я потерла лицо руками и сказала вслух:

– Надо было не так…

«А как? – противно хихикнул голос внутри меня, подозрительно напомнив интонацией Ника. Я упрямо тряхнула головой. – Надо было найти документы и посадить всю эту сволочь. Попытаться, – поправила я себя. – Попытаться это сделать. А я думала только о том, чтобы убить Дена. Он просто пешка, такая же, как и я». Очень отстраненно, без страха я подумала, что теперь вряд ли смогу найти документы. Мне придется отвечать перед законом за убийство; в том, что это обыкновенное убийство, я уже не сомневалась. Доказать, что именно я покушалась на Дена, не составит труда: нас видели вместе в ресторане, охрана подтвердит, что мы уехали вдвоем… Я вспомнила ребят Дена и мрачно усмехнулась: сомнительно, что дойдет до ареста. Для них дело чести найти меня и поквитаться. Так что легкой смерти мне ждать не следует.

Последние месяцы меня занимала только одна мысль: убить Дена, и я ни разу не подумала, а что будет потом. Хотя следовало бы… На какое-то мгновение мне стало жаль себя, но жалость тут же исчезла, и я вновь почувствовала лишь усталость и тупое равнодушие. Очень хотелось курить. Чтобы отвлечься, я стала прикидывать, были ли у меня шансы найти компрометирующие Долгих бумаги и засадить всю свору в тюрьму. Если шансы найти документы я оценивала как средние, то в остальном… в общем, выходило: не так много я потеряла. Я усмехнулась и сказала вслух:

– Жаль. Ден лежит с пулей в горле, и ничего уже в этой жизни не изменить. Таковы правила игры, нравятся они тебе или нет.

Впереди показалась какая-то деревня, несколько домов вразброс, в центре горел одинокий фонарь. Я присела на обочине дороги, пытаясь решить, что делать дальше. Возвращаться домой нельзя, там меня, скорее всего, ждут. Паспорт и немного денег в сумке – это хорошо. Я в вечернем платье и босая, туфли сбросила, убегая от ребят Дена. Вид, скажем прямо, интригующий, это

плохо. Значит, для начала надо раздобыть одежду и обувь и попытаться спешно уехать. В город соваться нечего, одежду можно раздобыть в ближайшем магазине (должен ведь он здесь быть), вопрос: сколько у меня времени? Ребята Дена профессионалы и прекрасно понимают: на своих двоих я далеко не уйду. О том, что мне понадобится одежда, тоже наверняка подумали, так что, скорее всего, у ближайших торговых точек меня и будут ждать. Хотя они могут решить, что я позаботилась и о машине, и об одежде, и даже о новом паспорте. Кстати, а что мне мешало подумать об этом? Я усмехнулась и покачала головой. И опять вспомнила Дена. Уже в тот момент, когда нажала на курок, я поняла: все напрасно. А теперь я сижу на обочине и пытаюсь сообразить, как быть дальше. Вряд ли я проживу долго, так что можно не напрягаться над решением этого вопроса.

– Я хочу спать, – произнесла я, не в силах бороться с навалившейся усталостью. Сон был единственным способом избавиться от воспоминаний о его взгляде, там, в машине, сразу после выстрела.

Я с трудом поднялась и направилась в сторону деревни. Неплохо бы отыскать какой-нибудь сарай. В этот момент зазвонил мобильный. Это был Ник, что меня, признаться, удивило.

– Эй, – позвал он, – эти суки тебя еще не сцапали? – Голос Ника звучал весело, будто в происходящем он находил что-то в высшей степени забавное.

– Пока нет, – ответила я.

– Вот именно, «пока», – передразнил он. – Надеюсь, за это время ты успела удалиться от места злодеяния километров на сто как минимум.

– Ты сильно преувеличиваешь мои способности, – вздохнула я. – Километров десять, не больше.

Ник помолчал, как видно, прикидывая, стоит мне верить или нет.

– Дорогая, это шутка? – хихикнул он.

– У меня нет настроения шутить, – ответила я. – Пешие ночные прогулки по лесу этому не способствуют.

– Что?

Кажется, я все-таки смогла его удивить и, не удержавшись, засмеялась, хотя ничего смешного в ситуации не было. Ник выдал замысловатое ругательство.

– Вот уж не думал, что ты такая идиотка, – добавил он, немного успокоившись. – И что ты намерена делать? – поинтересовался он.

– Хочу найти какой-нибудь сарай и завалиться спать.

– Гениально, – фыркнул он. – Только, если мальчики Дена тебя найдут, утро вряд ли покажется добрым.

– Это я и без тебя знаю.

– Там, по соседству, есть что-нибудь примечательное, населенный пункт, к примеру?

– Есть. – В этот момент я как раз подошла к указателю и смогла прочитать название деревни. – Кишлеево.

– Чудесное название. Надеюсь, деревня обозначена на карте. Обретайся неподалеку от дороги, я минут через двадцать подъеду.

Он отключился, а я стала размышлять, чему приписать желание Ника объявиться здесь. Вполне возможно, он решил сдать меня людям Дена, надеясь заработать на этом, что вполне в его характере. Но почему-то я не особенно верила в это. Хотя его желание помочь мне вызывало еще большие сомнения. Выходит, он что-то задумал. В тот момент отгадывать загадки не было ни желания, ни сил. Надо было решать, остаюсь я здесь, чтобы дождаться Ника, или стоит поскорее смыться отсюда. Я сказала ему, где нахожусь, значит, уже в тот момент решила.

Я сошла с дороги и устроилась в ближайших кустах. Меня вдруг охватил озноб, пробирая до костей, хотя до сего момента, бегая босиком по сырой траве в легком платье, холода я не чувствовала. Я растирала ладонями мокрые ноги, не очень рассчитывая, что это поможет. Где-то в деревне залаяла собака. Я прислушалась, пытаясь уловить звук работающего двигателя. Собачий лай, шелест ветра в высоких соснах, и больше ничего.

Наконец со стороны деревни донесся характерный звук, а вскоре на дороге я увидела джип Ника. Если я не поспешу выйти, он проедет мимо. Решать надо быстрее. Джип ехал медленно, я поднялась и направилась к дороге. Ник увидел меня и затормозил.

– Паршиво выглядишь, – сказал он, открывая мне дверь.

– Ты придираешься, – усмехнулась я, так и не решив, стоит доверять ему или нет, но уже садясь в машину.

Ник развернулся и поехал в сторону деревни, однако почти сразу свернул на лесную дорогу, ее можно было различить лишь с трудом. Надеюсь, Ник здесь неплохо ориентируется. А может, все проще: он решил, что я доставляю слишком много беспокойства, и поспешит от меня избавиться? Странно, но эти мысли не особенно меня расстроили, я вглядывалась в темноту за окном и хотела лишь одного – закрыть глаза и уснуть.

– Скажи, радость моя, с какой такой стати ты бегаешь по лесу? – не удержался Ник от язвительности. – Неужто ты не позаботилась…

– Заткнись, а? – «вежливо» попросила я.

Ник немного посверлил меня взглядом. Я думаю, этот процесс захватил бы его целиком, но дорога требовала внимания. Он вздохнул и кивнул, словно с чем-то соглашаясь.

– Поправь меня, дорогая, если я начну предаваться фантазиям: ты не позаботилась о надежной норе для себя, не обзавелась новенькой ксивой и в швейцарском банке тебя не ожидает кругленькая сумма. – Я молчала, не обращая внимания на его болтовню, и Ник пригорюнился. – Значит, это был акт самоубийства. С ума сойти. Я зря тратил на тебя время, такую тупую скотину,

как ты, ничему не научишь.

– Ты зачем приехал? – спросила я серьезно.

– Догадайся с трех раз, – хмыкнул Ник.

– Попробую. Вряд ли тебя очень беспокоит тот факт, что я попаду к людям Дена. Но хозяевам не понравится, если я вдруг окажусь в кабинете следователя. Я почти не сомневаюсь, что под ближайшей сосной ты меня и закопаешь.

– Я бы сделал это с удовольствием. Характер у тебя на редкость пакостный, к тому же ты неблагодарна. Так что самое лучшее и впрямь от тебя избавиться. Но, пожалуй, я буду скучать. – Он усмехнулся, однако говорил серьезно.

– Выходит, ты примчался мне на помощь? – не очень-то веря в подобное, спросила я.

Ник вроде бы и сам не поверил.

– Выходит. Чудеса, правда?

– Ага. Я должна сказать тебе «спасибо»?

– Не спеши. Неизвестно, что хуже, раз ребята Дена просто жаждут с тобой встретиться. Я наслышан об их методах. Поэтому, если ты вдруг решишь застрелиться, это будет не слишком глупо.

– А если я решу еще немного помучиться? – спросила я.

Ник засмеялся.

– Не такая уж ты и дура, – ответил он, помолчал с минуту и вновь заговорил: – У меня есть надежное местечко, отсидишься там. Страсти улягутся, тогда и решим, что делать дальше.

– Ник, у меня нет этих бумаг, – покачала я головой. – Честно, нет. И я понятия не имею, где они могут быть.

– Вот оно что, – присвистнул он. – А в мою бескорыстную любовь ты не веришь?

Мы невесело рассмеялись, я, исподволь приглядываясь к нему, пыталась понять, чего следует ожидать.

– Давай сойдемся на том, что твой сладкоречивый будет у меня в неоплатном долгу, если я прикрою твою задницу.

– Шутишь, – усмехнулась я. – Он ценит меня не больше, чем соседскую собаку.

– Может, и меньше, но ребенка ему родила ты, а не кто-то из его манекенщиц. Думаю, он немного понервничает, но в конце концов скажет мне «спасибо».

– Что тебя, безусловно, осчастливит, – заметила я.

– Я преданный слуга его величества, – усмехнулся Ник. – Эй, – подмигнул он мне. – Я ведь ничего не обещал, только сказал: там посмотрим, так что не расслабляйся.

Я вновь уставилась в окно, размышляя над словами Ника. Что, если он действительно надеется зацепить Рахманова, оттого и помогал мне, когда я охотилась за Деном? Кому-то подобные мысли и показались бы ерундой, но не мне, я слишком хорошо знала Ника. Убийство Дена, точнее, тот факт, что убила его я, многих ставит под удар, в том числе и Рахманова. Поэтому я и была уверена: встретиться со следователем мне не дадут. Так что готовность Ника помочь, скорее всего, объясняется просто: он хочет, чтобы я была под рукой: если его хозяева решат от меня избавиться, искать меня не придется. Возможность, что он сдаст меня парням Дена, я тоже со счетов не сбрасывала, конечно, сдаст, если усмотрит в этом выгоду.

– Незачем строить из меня злодея из мелодрамы, – вдруг заявил он, а я усмехнулась: иногда я всерьез верила, что он способен читать мои мысли. Впрочем, сейчас это нетрудно.

Дорога углублялась в лес, а я так и не спросила, куда мы едем. Ника как будто вполне устроило отсутствие у меня любопытства, он тоже замолчал, смотрел вперед, будто забыв о моем присутствии, и хмурился. Обняв себя за плечи, я закрыла глаза, а он сказал:

– Сзади куртка, накинь.

Я достала куртку, завернулась в нее, голова моя свесилась на грудь, я вздрагивала, когда машину трясло на ухабистой дороге, но вскоре уснула.

Ник растолкал меня через час, хотя мне показалось, что спала я всего несколько минут.

– Приехали, – буркнул он.

Еще мало что соображая, я огляделась. Мы находились во дворе симпатичного двухэтажного дома, окруженного кирпичной стеной. За моей спиной ворота и калитка в глухой стене, забор высокий, больше двух метров. Вокруг дома никаких деревьев, только зеленые лужайки. Ник вышел из машины и направился к крыльцу, украшенному бронзовыми львами.

– Шевелись, – поторопил он меня, и я последовала за ним. Просторный холл был абсолютно пуст. Пока я оглядывалась, продолжая зябко ежиться под курткой, он прошел в глубь дома и оттуда позвал: – Хочешь выпить?

Шлепая босыми ногами по мраморному полу, я отправилась на его поиски. Ник находился в кухне, здесь мебели было в избытке, но кухня все равно производила впечатление нежилой. Ник достал из шкафа коньяк, плеснул в два стакана и один протянул мне.

– Что ж, за упокой души Гадюки Дена. – Ник залпом выпил коньяк и замер со стаканом в руке, закрыв глаза. Я тоже выпила залпом, не чувствуя вкуса.

– Чей этот дом? – спросила я, поставив стакан.

– Какая разница? – ответил Ник, не глядя на меня, помолчал и вдруг заявил: – Мой. Разумеется, о том, что он принадлежит мне, никто не знает.

– Здесь ты собирался разводить розы на пенсии? – усмехнулась я.

Ник ответил недовольно:

– Собирался. Только вряд ли я доживу до счастливой старости, связавшись с такой дурой. От тебя одно беспокойство, а у меня слишком доброе сердце, я не в состоянии от тебя избавиться. Ты из меня веревки вьешь, – дурашливо прохныкал он, посмотрел на бутылку и налил еще коньяка. – В холодильнике должна быть жратва, если я ошибся, то немного поголодаешь. Свет в доме не включай, чтобы не привлекать внимания. В ближайшие дни я вряд ли смогу приехать, но если будут новости, позвоню, здесь есть телефон. Я буду звонить три раза подряд, только на третий снимешь трубку. На прочие звонки не отвечай, хотя вряд ли кому взбредет в голову сюда позвонить. Из дома не выходи, хоть он и окружен забором, но я бы особо на это полагаться не стал. В твоих интересах соблюдать максимальную осторожность. Где твой мобильный?

Я достала телефон из сумки, протянула его Нику. Тот отключил его и сунул в карман.

– Не вздумай звонить своей Машке, – нахмурился Ник. – Они будут за ней следить и наверняка прослушку поставят. Короче, лежи на самом дне и шевелиться не смей. Здесь есть телик и книги, так что со скуки не загнешься, только держи жалюзи постоянно опущенными, наверх не поднимайся, передвижение по дому можно засечь, имея соответствующую аппаратуру, уверен, у ребят она есть. Ко мне они тоже «хвост» приставят, так что скоро в гости не жди.

Ник толкнул стакан, он заскользил по гладкой поверхности и замер в сантиметре от края стойки, Ник довольно усмехнулся и зашагал к двери.

– Ты уезжаешь? – крикнула я ему в спину.

– Ты догадлива, радость моя, – ответил он, не поворачиваясь. – Придется тебе на время обойтись без няньки.

Я слышала, как хлопнула входная дверь, а потом заработал двигатель машины, посмотрела на бутылку коньяку и решила выпить еще. Потом заглянула в холодильник, на нижней полке консервы, в морозилке кусок мяса, впрочем, сейчас мысль о еде меня вовсе не беспокоила. Я прошлась по первому этажу, не рискуя включать свет в комнатах. Их было четыре, и три из них пусты. Соседняя оказалась спальней, здесь стояла кровать, рядом громоздкий шкаф и стеллаж с десятком книг. Я взглянула на обложки и невольно усмехнулась: Ник тяготел к философии. Выключив свет на кухне, я вернулась в спальню, легла поверх одеяла, подтянув к животу ноги и обхватив колени руками. В темноте смутно проступали контуры шкафа, за спиной надоедливо тикали часы, слишком громко или мне это только казалось? Очень хотелось зареветь от страха или от жалости: к себе, к Дену, поди разберись, слезы должны нести облегчение, но их не было, меня вновь охватило странное безразличие. Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шел.

За окном серело, я забралась под одеяло, надеясь согреться, меня била дрожь, но вовсе не от холода. Я подумала выпить еще, но мысль о том, что надо встать и пойти на кухню, вызвала протест. И вдруг я подумала: как было бы хорошо умереть сейчас. Закрыть глаза и умереть. Я закрыла глаза и, странное дело, почти мгновенно уснула.

Проснулась я ближе к обеду. Прошла в ванную и долго стояла под душем, после этого вернулась в постель и проспала почти до вечера. Выпила два стакана воды и вновь отправилась спать. Утром следующего дня все повторилось, у меня не было сил подняться, приготовить себе поесть. С трудом разлепив глаза, я шла в туалет, потом на кухню, чтобы выпить воды, и возвращалась в постель, засыпая уже на ходу. Мне ничего не снилось, по крайней мере, так мне казалось, тело было вялым, непослушным, а мысли путались, ни одной я не способна была додумать до конца. Хотелось одного: спать.

Проснувшись в очередной раз, я не смогла с уверенностью сказать, сколько времени провела здесь. Похоже, не меньше недели. Все случившееся представлялось таким далеким, что теперь мне большого труда стоило восстановить события. Вот мы встречаемся с Деном в ресторане, вот идем к его машине, я роняю сумку, и Макс, парень из охраны Дена, торопливо собирает с пола ее содержимое, а я иду в туалет и достаю из смывного бачка спрятанное там оружие… У меня было чувство, что я вспоминаю какой-то фильм.

«Надо встать, принять душ и выпить чаю, если он здесь есть», – раскинув руки и глядя в потолок, думала я. Но тут же забралась под одеяло и нырнула в беспамятство.

Меня разбудил телефонный звонок. Я вскочила и бросилась на кухню, где стоял аппарат. Телефон смолк, но через минуту зазвонил вновь. Рука машинально потянулась к трубке, но я заставила себя ждать. Пауза. И вновь звонок. Я схватила трубку, не рискнув произнести ни слова, и услышала голос Ника.

– Солнышко, – издевательски сказал он. – Сколько раз я тебе повторял: стрелять надо в голову. Редкая сволочь, заполучив в череп пулю, способна выжить. Если честно, я о таких не слышал.

– Что ты хочешь сказать? – пробормотала я и сама не узнала своего голоса.

– Хреновый из тебя стрелок, вот что, – буркнул Ник.

– Он жив? – свалившись на стул, спросила я и повторила: – Он жив?

– Может, ты и не собиралась его шлепнуть, а, милая? – кривлялся Ник. – Может, вы так развлекаетесь?

– Он жив? – бестолково повторила я и вспомнила взгляд Дена и кровь, что била фонтаном из-под его рук. – Не может быть.

– Господь большой путаник, в смысле, неисповедимы пути господни, – вздохнул Ник. – По мне, так лучше бы Гадюка сдох, с его парнями все-таки был шанс договориться, но, если этот засранец выкарабкается, непременно захочет твой скальп. Так что я бы на твоем месте обратился к господу с нижайшей просьбой прибрать мерзавца.

– У него есть шансы выкарабкаться? – спросила я, не принимая дурашливого тона Ника.

– Ничтожные, по крайней мере, так утверждают эскулапы, но, зная этого парня, я уверен, он и самый малюсенький шанс использует. Обливаясь кровью, этот тип сумел выбраться из машины да еще и проползти весьма приличное расстояние,

прежде чем его обнаружили доверенные лица, так бездарно прошляпившие тебя. Ты знаешь, я им восхищаюсь. Ага. До чего живучий оказался, зараза. А вот ты меня очень огорчила, детка. Папу не слушаешь, хочешь жить своим умом, которого у тебя сроду не было, а теперь выясняется, что ты еще и стрелять не умеешь. Я практически в отчаянии. – Ник вздохнул и заговорил серьезно: – Ситуация хреновая, солнышко. Сладкоречивый в зоне недосягаемости, боюсь, он с тобой мысленно уже простился и даже выпил за упокой души. А я так рассчитывал на его любовь к тебе.

– Зря рассчитывал, – сказала я.

– Теперь и сам вижу. Даже гениям свойственно иногда ошибаться. Не вздумай сорваться в бега, затея совершенно бесперспективная. Сиди и жди, как карта ляжет. Поняла?

– Поняла, – ответила я, и Ник повесил трубку.

Я еще долго таращилась на телефон, пытаясь оценить новость. Ден жив. Я покачала головой и усмехнулась. Если он выкарабкается… выходит, все напрасно. И в моем поступке не было никакого смысла! А в его смерти был? Я опять усмехнулась. Он выкарабкается, а меня пристрелит Ник. Что ж, из этой истории какой-нибудь умник, возможно, извлечет урок: не копай яму ближнему или еще что-нибудь такое же оригинальное. Я вдруг начала хихикать, качая головой. Потом с трудом поднялась и вернулась в спальню, надеясь, что смогу уснуть. Но мои надежды не оправдались. Промучившись часа полтора, я пошла в ванную, а потом бесцельно слонялась по первому этажу. Если я намереваюсь сбежать, следует поторопиться. Ник, убедившись, что Рахманову до меня нет дела, скорее всего, торгуется сейчас с людьми Дена, надеясь продать мою жизнь подороже. Он не раз говорил: придет время, ты сделаешь глупость, и я тебя пристрелю. Вот оно и пришло. Поведение Рахманова меня тоже не удивило. Скандал ему ни к чему, и уж тем более ни к чему заморочки с парнями Дена. Если я исчезну, это для него будет самым простым решением проблемы. Надо уходить. Я поднялась с постели, но еще долго продолжала сидеть, разглядывая пол под ногами. На меня вновь навалились усталость и странное безразличие. Я подумала о Машке. Если я сбегу, они возьмутся за нее, вряд ли поверят, что ей ничего не известно. Методы убеждения, к которым они прибегнут, мне хорошо известны. Значит, мне остается только ждать. Чего? Когда за мной придут?

Я опять легла, раскинув руки и глядя в потолок, точно в небо, как в детстве, когда наблюдала за облаками. Я могу позвонить Машке, и они с Тони уедут… Нет, не успеют. Скорее всего, за ними уже следят. Пройдет время, прежде чем Тони поймет, с кем имеет дело, а времени нет. Он верит в дружбу Рахманова, верит в закон и в прочую чушь. Он не станет срываться с места, в лучшем случае обратится в милицию. Мне казалось, я слышу его голос, спокойный, уверенный, у него найдется много доводов, чтобы не уезжать. Без Тони Машка никуда не поедет. Похоже, у меня нет выбора. Я почувствовала странное облегчение при мысли об этом. Придется ждать, ощущая себя овцой на заклание, ритуальной жертвой… Я сделала свой выбор, я хотела убить Дена. Глупо было ожидать, что все сложится иначе.

Телефон вновь зазвонил. Один раз, второй, третий. Я бросилась на кухню.

– Все-таки странно, что ты не смылась, – заявил Ник, хихикнув.

– Ты звонишь, чтобы сказать мне это? – ответила я, теряясь в догадках, что он задумал.

– Нет. – Голос моего друга стал серьезным. – Я абсолютно уверен в твоем убежище и все же… Спустись в подвал, в прачечной, за стиральной машиной, четвертая плитка от стены и третья от пола. В крайнем случае ты сможешь выдержать там любую осаду. Знаешь, детка, я чувствую себя идиотом. – Ник отключился, а я еще некоторое время хмуро разглядывала трубку в своей руке, потом отправилась в подвал. Включила свет. Площадка возле лестницы, три двери. Я толкнула первую. Котельная. Прачечная оказалась рядом. Стиральная машина стояла в углу. Я чуть отодвинула ее и принялась считать плитки, стена была выложена голубым кафелем. Та плитка, о которой говорил Ник, ничем не отличалась от остальных. Я надавила на нее. Плитка ушла в стену. Опершись на стиральную машину, я ждала, что будет дальше, но ничего не происходило, пока я не догадалась оглянуться. В противоположном углу прачечной открылся лаз в полу. Я присвистнула и прошла туда.

Лаз был узким, в него с трудом протиснется взрослый мужчина. Вниз вели деревянные ступеньки. Теряясь в догадках, я начала спуск. Внизу было темно, рукой я нащупала на стене выключатель, вспыхнул свет, а я вновь присвистнула. Комната метров двенадцать, вдоль стены стеллажи с оружием.

Чего здесь только не было! Я прогулялась по комнате, разглядывая то, что лежало на полках. Ник прав, тут можно выдержать длительную осаду. В картонной коробке запасы консервов. Две канистры воды. Любопытно, о чем думал Ник, устраивая себе эту берлогу? Два автомата, винтовка с оптикой, в ящике гранаты, настоящий военный склад. На нижней полке свернутые солдатские одеяла, две подушки. Нож с широким лезвием. Может, он организовал собственный бизнес и торговал всем этим по случаю? Я покачала головой, присела на корточки перед очередным ящиком. Если не ошибаюсь, это противопехотные мины.

– Он спятил, – вслух произнесла я и вновь покачала головой. Того, что здесь хранится, хватит на ведение локальной войны. Прихватив две банки консервов, я направилась к лестнице. Рядом с выключателем заметила рычаг, повернула его, и люк над моей головой закрылся. Еще один поворот, и я поднялась наверх. Выбралась в прачечную, закрыла люк.

Что Ник имел в виду, демонстрируя мне все это? Если он намеревался сдать меня, об оружии следовало помалкивать. Выходит, у него другие планы, и это жест доброй воли: я доверяю тебе, так что и ты мне доверяй, сиди и не рыпайся. Правда, на Ника это совсем не похоже. Я ему верю? Какая разница, раз выбора, в общем-то, нет. Одно утешает: если люди Дена явятся, у меня будет легкая смерть. Я усмехнулась и пошла на кухню открывать консервы.

Ник явился через неделю. С синими кругами под глазами. Его глаза, и так блекло-голубые, теперь казались почти бесцветными. Отросшие волосы он собрал в пучок на затылке и очень походил на рептилию. Впрочем, он всегда был похож на змею, правда, сейчас выглядел смертельно усталым.

– Как дела? – спросила я. – Ты скверно выглядишь.

– Ага. А чувствую себя еще хуже, – хмыкнул он.

– Может, поделишься?

– Нечем, – хихикнул Ник. – Все, что было, раздал добрым людям.

– Кончай, – попросила я. – Что происходит?

– Да ничего не происходит, – ответил он, завалившись на постель прямо в ботинках, впрочем, такие мелочи его никогда не волновали. – Пил всю неделю, теперь вот пытаюсь смотреть на жизнь с оптимизмом.

– Получается?

– Не очень. Когда я в стельку пьян, мир выглядит симпатичней.

Он похлопал рукой по одеялу рядом с собой, предлагая мне присоединиться. Я легла рядом и закрыла глаза. Заниматься с Ником сексом, когда он в скверном расположении духа, серьезное испытание.

– Эй, – позвал он, ложась на бок и заглядывая мне в лицо. – Почему ты не сбежала?

– Некуда.

– Выходит, ты не безнадежна. И не забудь поблагодарить папу за добрую душу.

– Благодарю, Ники-бой.

Он ударил меня по губам, не сильно, просто давая понять, что называть его так сейчас не стоит.

– Вырази свою благодарность как-нибудь иначе, – предложил он, притянув меня к своей груди.

На сей раз он превзошел самого себя, по одному этому можно было судить о том, как скверно обстоят дела. Устроившись в кресле, Ник закурил, поглядывая на меня со смешанным чувством презрения и самодовольства, поднял с пола флягу, которую привез с собой, сделал несколько глотков. Он так ничего и не рассказал мне, а я не задавала вопросов, по опыту зная, что это бесполезно. Поднявшись с постели, я намеревалась проскользнуть мимо Ника, чтобы ненадолго укрыться от него в ванной, он лихо захлестнул ремень вокруг моей шеи и притянул к себе.

– Придурок, – едва смогла произнести я. – Ты мне шею сломаешь.

– Это вряд ли, – пригорюнился Ник. – Хоть и надо бы. Но, имея доброе сердце… – Не договорив и чуть ослабив ремень, он заглянул мне в глаза.

– Ден жив? – не выдержав, спросила я.

– К великому сожалению, – вздохнул Ник. – Даже успел прийти в себя. Людишки его воспряли духом. Все жутко деятельные и жаждут крови. У сукиного сына проблемы с глоткой, возможно, говорить он никогда уже не сможет. Само собой, это досадное обстоятельство он включит в счет. Его парни с меня глаз не спускают, уверены, что я знаю, где ты. Еле от них оторвался.

– Что с Машкой? – испугалась я.

– Ничего. Дураку ясно, что ты к ней не сунешься. Но на всякий случай я велел своим людям за ней приглядывать.

– Спасибо, – подумав, сказала я.

– Пожалуйста, – съязвил Ник.

– Я не могу находиться здесь целую вечность, – через некоторое время решилась заговорить я.

– Целую вечность и не потребуется, – отмахнулся Ник. – И не вздумай ныть, без тебя тошно.

– У тебя есть какой-то план?

– У меня полно планов, я гениален. Кстати, твой Рахманов пожаловался мне сегодня, что нигде не может тебя найти. Я сказал, что тоже не могу.

– Да?

– Ага. Выдающаяся сволочь. Вот уж кому можно позавидовать.

– Это без меня. Он не сказал, зачем я ему понадобилась?

– Нет. Делает вид, что не в курсе происходящего. Выражает обеспокоенность твоим длительным отсутствием. Я тоже обеспокоился и пообещал тебя отыскать. Сейчас все ждут, что решит Ден. Впрочем, что он решит, и так ясно. Детка, они тебя сдадут, у них просто не будет выбора. Долгих не станет задираться с Деном, Рахманов тем более. Следовательно, ты будешь сидеть здесь, пока я не найду возможность переправить тебя за границу. Но и там не безопасно, радует лишь то, что это уже будет не моя проблема.

– Она и сейчас не твоя.

– А как же мои чувства? – хихикнул Ник.

– Я останусь в твоем сердце, – насмешливо ответила я.

– Что толку? С воспоминаниями не потрахаешься.

– Тоже мне трагедия, – отмахнулась я.

– Это такой шлюхе, как ты, все равно, кто на ней верхом скачет… – Он засмеялся, но смех резко оборвал. – Знаешь, без тебя скучно. Ага. Я даже запил от тоски. Поэтому и решил: ни хрена они тебя не получат.

– Я должна в это поверить? – усомнилась я.

– Детка, очень скоро тебе станет стыдно за эти слова, впрочем, такое может произойти лишь в том случае, если бы хоть капля совести на двоих у нас все-таки осталась.

– Ты так и не сказал, что мне делать, – вздохнула я.

– Ждать, радость моя, авось чего-нибудь и дождемся.

Он опять исчез на неделю, не звонил и не появлялся. Я уничтожала запас консервов и строила планы один нелепее другого, но так и не решилась покинуть дом. Поначалу ожидание казалось невыносимым. Но дни шли, и я начала успокаиваться. Возможно, это последние дни в моей жизни, так что спешить ни к чему. Я читала, по утрам подолгу делала гимнастику, жалея, что не могу прогуляться по двору, иногда танцевала, напевая что-то. Застань меня Ник за этим занятием, наверняка бы решил, что я спятила. Я размышляла о своей жизни и пришла к неутешительному выводу: все, что сейчас имею, я создала своими руками. А что я имею? Неразрешимые проблемы и полное отсутствие перспектив, вот что. Какой-то умник сказал: характер человека – это и есть его судьба. Выходит, мой ни к черту не годится.

К концу второй недели в оглушительной тишине дома раздались телефонные звонки. Дождавшись третьего, я сняла трубку.

– Трам-тарарам! – заорал мне в ухо Ник. – Дальше вступают литавры.

– Ты что, пьян? – вздохнула я.

– Трезв, и это сильно меня беспокоит. Предлагаю напиться. Гром победы раздавался… как там дальше, сучка ученая?

– Не помню, – ответила я, не зная, что последует за этими словами.

– От тебя никакого толка, – пожаловался Ник. – Радость моя, враги повержены, победа за нами. Ден пошел на мировую, он больше не жаждет твоей крови.

В это было невозможно поверить, вот я и не спешила. Ник затих, выжидая, потом позвал:

– Эй, ты там что, умерла от счастья?

– Может, ты перестанешь валять дурака и…

– Перестал, – вздохнул Ник. – Я совершенно серьезен. Хоть сейчас возвращайся домой, живи долго и с удовольствием. У Гадюки Дена нет к тебе претензий.

– И я должна в это поверить?

– Почему бы и нет, раз я поверил? По-твоему, я здесь только пьянствовал? Ничего подобного: пока ты прохлаждалась в моем доме, папуля ковал наше общее счастье. Слушай, даже обидно, неужто ты сомневалась в нашей полной и безоговорочной победе? Скажи, что сомневалась, и получишь в зубы.

– Я в тебя верила, – вздохнула я.

– И не зря. Ладно, к вечеру приеду, будь готова. Заключишь меня в объятия. Пока.

– Ник… – позвала я.

– Да?

– Хорошо, – сказала я. – Жду.

Поверить в то, что Ден не имеет ко мне претензий, как выразился Ник, я не могла. Тогда что он задумал? Ден или все-таки Ник? Оставалось лишь гадать, а еще ждать Ника. Он явился часов в пять. Несмотря на заверения в полной и безоговорочной победе, выглядел он не лучше, чем в прошлый визит. Выходит, победа далась ему нелегко. Дурака валять на этот раз он был не расположен.

– Переоденься, и поехали, – заявил он, бросив мне под ноги пакет с одеждой.

В пакете оказались джинсы, рубашка и кроссовки. Вещи были новые, с размерами Ник не ошибся. Впрочем, он любил хвалиться, что знает обо мне все: какое белье я предпочитаю и какие мысли кружат в моей голове. Иногда он в самом деле мог удивить. Я нервничала, не зная, чего мне ждать. Нику я не верила. Возможно, неподалеку от дома нас поджидают люди Дена, хотя свое убежище Ник не захочет засветить, так что, скорее всего, произойдет это в другом месте.

Я застегнула джинсы под нетерпеливым взглядом Ника, пытаясь отгадать его мысли. Может, оттого, что нервничала, и сказала:

– Все впору. Приятно, что ты так внимателен.

– Такой пустяк, дорогая.

Я давно оделась, пора было уходить, я беспомощно оглядывалась, тянула время.

– Нервничаешь? – усмехнулся Ник.

– Есть немного.

– Я заметил. Поехали.

– Минуту, вымою руки.

Я вошла в ванную, достала спрятанный там пистолет, сунула его за пояс джинсов. Ник ждал в холле. Когда я поравнялась с ним, он схватил меня за плечи, привлек к себе и поцеловал.

– Пушку ты прихватила зря, – сказал с усмешкой. – Можешь оставить ее, если тебе так спокойнее. Я не собираюсь тебя сдавать. Когда, черт возьми, ты научишься доверять мне?

– Когда рак на горе свистнет, – буркнула я. – Ты сам-то кому-нибудь веришь?

– Нет, конечно. Но твое недоверие почему-то обидно.

Машина Ника стояла во дворе, он устроился за рулем, распахнув передо мной дверцу. Ворота открылись, и мы выехали.

– Может, все-таки объяснишь, как тебе удалось с ним договориться? – спросила я.

– Не твое дело, – отрезал Ник, и стало ясно, что задавать вопросы бессмысленно. – Главное, что договорился. Правда, есть условие.

Я усмехнулась:

– Разумеется. Как же без этого.

– Завязывай скалиться, – лениво сказал Ник.

– Какое условие?

– Пустяковое. Он хочет тебя видеть.

– Кто? – не поняла я.

– Твой дружок Ден. Должно быть, соскучился. Я не против того, чтобы он полюбовался твоей рожей. Поэтому сейчас мы едем к нему в больницу.

– Ты спятил, – помедлив, сказала я.

– Нет. Он хочет на тебя взглянуть, только и всего.

– Я не поеду, – потянувшись к дверной ручке, сказала я. Ник, не поворачиваясь, ударил меня, и я поняла, что все это время он был в огромном напряжении и едва сдерживал нервозность.

– Значит, все-таки… – начала я, но он перебил:

– Ден дал слово. Не помню случая, чтобы он его нарушал. А потом… выбора-то все равно нет. – Ник повернулся ко мне и подмигнул. – Я сказал, что привезу тебя сегодня. А он обещал, что после этого ты отправишься домой. И никаких взаимных претензий.

– Только идиот мог поверить в такое, – покачала я головой.

– Завязывай хамить папе, я замучился тебя колотить, пользы от этого никакой. В утешение могу сказать: если он нарушит слово, я сам его пристрелю.

– Моя признательность не знает границ.

– Уверен, у тебя еще будет возможность выразить ее не раз и не два.

– Не могу разделить твоей уверенности, – ответила я, отворачиваясь к окну.

Я наблюдала за прохожими на улице, кусая губы. Попытаться выпрыгнуть из машины? Вряд ли Ник мне это позволит. Если он обещал привезти меня в больницу, значит, сделает это. Я подумала о пистолете. Я могу пристрелить этого сукиного сына. Хотя вряд ли. У него отличная реакция. То, что он не отобрал у меня оружие в доме, сбивало с толка. Неужели он верит слову Дена? Впрочем, он сам сказал: ничего другого не остается. Ясно, что это западня. Больницу я покину в компании головорезов Дена.

– Кончай психовать, – тихо сказал Ник. – Не то и я начну клацать зубами.

– Трудно вообразить подобное.

– Много ты знаешь.

Он свернул в переулок, здесь находилась больница. Сюда привезли Павла, после того, как Ден стрелял в него. Я невольно поежилась от накативших воспоминаний. Еще раз оказаться там, среди белых стен и давящего чувства безнадежности, было выше моих сил.

– Его перевели в палату, четвертый этаж. Пушку оставь. Охрана ее все равно отберет.

Я протянула ему пистолет. Ник сунул его под сиденье.

– Топай.

Я вышла и, не глядя на него, захлопнула дверь. Сунув руки в карманы, поднялась по лестнице. Внизу, возле раздевалки, толпились люди, пришедшие навестить близких. Я прошла к лифту. Пока он, поскрипывая, спускался вниз, я думала о том, что могу сбежать. Здесь полно дверей. Пока еще могу. Ник наверняка успел позвонить, и меня ждут. У меня есть полминуты. Или уже нет? Двери лифта разъехались в стороны, я вошла и нажала кнопку четвертого этажа. Цифры на табло сменяли одна другую. Лифт замер, двери открылись, и я

вышла в холл.

Медсестра за стойкой раскладывала таблетки по ячейкам с фамилиями пациентов, подняв голову, равнодушно взглянула на меня.

– Миронов в какой палате? – спросила я. – Денис Миронов.

– Третья, – ответила девушка и проводила меня заинтересованным взглядом.

Я направилась по коридору, возле одной из палат на стуле сидел парень с выражением лица новобранца на посту № 1. Можно было не интересоваться табличкой на двери, и так ясно, чья это палата.

– Салют, – сказала я, подходя ближе.

Он поднес рацию к губам и буркнул:

– Она здесь.

Я покачала головой, едва сдерживая хихиканье. Но охраннику происходящее смешным не казалось, впрочем, и мне веселиться было не с чего.

Дверь распахнулась, и я увидела Макса. Он посмотрел на меня так, точно видел впервые, чуть посторонился, чтобы я могла войти.

– Думала, ты обрадуешься, – съязвила я. Пока Макс молча меня обыскивал, я оглядывалась. Мы находились в маленькой прихожей. Слева дверь в туалет и душевую, прямо – в палату. – Скажи слово, чтобы знать, что ты живой, – продолжила язвить я. Макс распахнул дверь напротив и легонько толкнул меня в спину.

Я вошла. Возле двери на стуле сидел еще один охранник, он одарил меня суровым взглядом. На кровати, неподалеку от окна, лежал Ден. Подголовник кровати был приподнят, и я хорошо видела его лицо. Так хорошо, что увидела даже то, на что раньше не обращала внимания. Раннюю седину на висках, малозаметную в светлых волосах, которые сейчас имели какой-то неживой, желтоватый оттенок. Обычно загорелое лицо было бледно до синевы. Губы

сжаты, на тяжелом подбородке щетина. Открытый лоб перерезали две глубокие морщины, глаза были закрыты. Шея забинтована, от нее шли какие-то трубки, а мне вдруг стало не по себе от этого лица, я решила, что человек на кровати давно умер и передо мной разыгрывают дурацкий спектакль.

– Ну, вот, я здесь. Что дальше? – вздохнула я.

Макс прошел к окну и оттуда наблюдал за мной. И тут Ден открыл глаза. Посмотрел в упор, и под этим взглядом я невольно съежилась, а потом поняла: мне не выдержать его взгляд, не стоит и пытаться, и начала рассматривать свои кроссовки. Трудно сказать, что я испытывала. Точно не жалость к человеку, что лежал передо мной. Жалеть его трудно. Но и ненависти не было. Была досада и злость на Ника за то, что я стою здесь, не в силах поднять глаз. Я исподволь наблюдала за Деном. Он вдруг криво усмехнулся и протянул руку. Макс вложил в нее планшет, который лежал на тумбочке рядом, и подал Дену карандаш. Он медленно стал писать что-то, а я переминалась с ноги на ногу, с трудом сдерживая желание сказать что-нибудь насмешливое, чтобы вывести охрану из себя, а главное, нарушить это жуткое молчание.

Ден наконец-то закончил писать и протянул планшет мне. Я сделала два шага, чтобы увидеть написанное, и с трудом разобрала: «Ник идиот. Ты не стоишь этих денег».

– Возможно, – равнодушно пожала я плечами, силясь понять, что Ден имел в виду. Он махнул рукой и закрыл глаза.

Парень за моей спиной поднялся, взял меня за плечо и распахнул передо мной дверь.

– Аудиенция закончена? – усмехнулась я. Мне никто не ответил.

Я вышла в пустую прихожую, а потом в коридор. Парень на стуле возле двери не повернул головы в мою сторону. Сидел, как истукан, не моргая.

Я не торопясь пошла по коридору. Вряд ли они предпримут решительные действия в больнице, скорее, будут ждать на улице. Из головы не шло написанное Деном. Что он хотел донести до моего сознания? Впрочем, какая разница. Я поравнялась с постом медсестры, когда услышала:

– Эй… – и повернулась.

Меня догонял Макс. «Решил подстраховаться?»

– Ты обрел дар речи? – усмехнулась я, ожидая, когда он подойдет.

Поравнявшись со мной, Макс кивнул на диван, что стоял у стены. Это меня удивило. Я пожала плечами и села. Он устроился рядом, молчал, а я разглядывала его наколку на левой руке, прикрытую широким браслетом часов. Под пиджаком под мышкой оружие. Он сидел с бесстрастным лицом, но, странное дело, я чувствовала его волнение, а еще замешательство.

– Мы кого-то ждем? – не выдержав, спросила я.

– Нет, – покачал он головой. – Ты можешь идти.

– К черту, я полагаю?

– Без разницы. Ден предупредил, чтобы мы тебя и пальцем не смели тронуть.

– Трудно представить, что в нем заговорил добрый христианин, – подивилась я.

– Я бы на твоем месте не особенно веселился, – без злости заметил Макс.

– А я не спрашивала, что бы ты делал на моем месте. Все, что ты хочешь сказать, я знаю. В каком-то смысле твои чувства мне понятны, только мне на них плевать. Он убил моего мужа. А я хотела убить его. Жаль, что промахнулась.

Макс кивнул с очень серьезным лицом и без тени раздражения.

– Он убил твоего мужа, – повторил спокойно. – А ты хотела убить его. Не поверишь, но твои чувства мне тоже понятны. Потому я и хочу дать тебе совет. Сматывайся. Чем дальше, тем лучше.

– Занятно, – усмехнулась я.

– Он оставил тебе жизнь только по одной причине. И причина не имеет никакого отношения к этим деньгам. В данном случае деньги для него ничего не значат. И согласился он потому, что… просто убить тебя ему мало. Оттого я и говорю: сматывайся, пока есть возможность.

– О каких деньгах идет речь? – полюбопытствовала я, теряясь в догадках.

– Полмиллиона «зеленых».

Я лишилась дара речи:

– Сколько? Вот черт… что за идиот решился…

– Не знаю. Но Ник их привез. Уверен, Ден был рад возможности заключить соглашение. И я уже сказал почему. Он хочет, чтобы ты была жива. И я даже представить не берусь, что он придумает, чтобы поквитаться с тобой.

– Тебе-то что за дело? – спросила я, приглядываясь к Максу.

– Я ведь уже сказал, – пожал он плечами. – Мне понятны твои чувства.

– Занятный ты парень, – вздохнула я, поднимаясь.

– Ты уедешь? – спросил он с надеждой.

Я покачала головой:

– У меня здесь сын.

– Извини, но мне трудно поверить, будто для такой, как ты, это что-нибудь значит. – Он презрительно усмехнулся, а я кивнула. Спорить с ним желания не было. – Как знаешь, – пожал он плечами и тоже поднялся.

Я пошла к выходу, чувствуя на себе его взгляд. Мысль о том, что мои хозяева отвалили за мою жизнь такие деньги, не давала мне покоя. Если честно, я отказывалась верить в это. Но, похоже, Ден их все-таки получил. Какой смысл

ему врать? Неужто Рахманов раскошелился? Невероятно! Допустим, полмиллиона сумма для него не такая умопомрачительная, как для меня, но… Женщин у него более чем достаточно, и я только одна из многих, начни он швыряться деньгами, очень быстро разорится. Так что его толкнуло на этот шаг? Может, я зря думаю о нем плохо и то, что я мать его ребенка, для него что-то да значит? Я усмехнулась и покачала головой. Невероятно.

Когда я вышла на улицу, машины Ника на стоянке не было. Я огляделась, но нигде ее не обнаружила. Выходит, он решил не дожидаться окончания встречи. Жаль, хотелось бы задать ему пару вопросов. Я покинула территорию больницы, прошлась до ближайшей троллейбусной остановки. Странно было вновь оказаться в этом городе, на этих улицах. Еще час назад я сильно сомневалась, что у меня будет возможность вот так прогуливаться… Я не испытывала благодарности к судьбе за этот внезапный подарок. Мои хозяева не имеют привычки разбрасываться деньгами, так что неизвестно, что от меня потребуют взамен.

Я устроилась на скамейке, наблюдая за людьми на остановке, не зная, что делать дальше. Очень хотелось увидеть сына и Машку. Посмотрела на телефон-автомат, немного денег у меня есть, а вот ключи от квартиры куда-то подевались, запасные хранились у Виссариона. К нему я и отправилась. Можно было поехать на такси, но я предпочла идти пешком, заново привыкая к улицам.

Разные мысли кружили в голове, я то и дело возвращалась к словам Макса и вновь видела перед собой бледное до синевы лицо Дена. «Он был рад заключить соглашение… И я даже представить не берусь, что он придумает, чтобы поквитаться с тобой». Это верно, фантазия у Дена богатая, и просто пристрелить меня для него и в самом деле недостаточно. Я досадливо поморщилась. Как ни странно, я понимала его чувства. Надо же, какие же мы все понимающие… Макс понимает меня, я – Дена, жаль, что мир от этого не становится лучше, скорее наоборот. Ден когда-то сказал: «Я убью всех, кто тебе дорог». Наверное, эта идея его и сейчас не оставила. Может, мне действительно надо бежать? А что это изменит, раз те, кого я люблю, останутся здесь?

В конце концов мои мысли начали кружить вокруг надоедливого вопроса: права ли я была, желая его смерти? Стоила ли жизнь этого человека моей собственной? Тогда мне казалось, я должна это сделать. А теперь?

– К черту, – пробормотала я. – Лучше думай, как жить дальше. Встречусь с Машкой, попытаюсь увидеться с сыном… Сейчас это главное, а там посмотрим.

На стеклянной двери кафе висела табличка «Закрыто». Я постучала и, прильнув к стеклу, пыталась разглядеть, есть ли кто внутри. Слегка припадая на одну ногу, появился Виссарион. Открыл дверь и, взглянув на меня, буркнул:

– Привет. – Никаких эмоций на его добродушной физиономии не отразилось. – Заходи.

Я вошла, прикрыла за собой дверь и спросила, кивнув на табличку:

– По какому случаю не работаем?

– А-а… – Он махнул рукой. – Из СЭС были, задолбали придирками, чертовы вымогатели.

– А что ты хочешь, такова жизнь, – усмехнулась я.

– Ты когда на работу выйдешь? – как ни в чем не бывало поинтересовался он, направляясь к стойке.

– Хоть сегодня, – пожала я плечами.

– Это хорошо.

Он не спешил с вопросами, я подозревала, он вообще не собирался их задавать. Был уверен, что, если захочу, расскажу все сама. За это я была ему очень благодарна.

– Чаю выпьешь?

– Давай.

Он поставил чайник, выставил на стойку чашки, и мы устроились напротив друг друга.

– Тут тобой интересовались. – Виссарион поскреб физиономию и посмотрел на меня настороженно.

– Очень досаждали?

– Да нет. Сердитые ребята, но не напугали.

– Тебя трудно напугать, – кивнула я.

– Таким, как эти, – трудно. Один в морду мне ментовским удостоверением тыкал. Рожа лощеная, а на руке часы за штуку баксов. Мент из него, как из меня герой-любовник.

– Чего он хотел?

– Спрашивал, где ты можешь быть.

– А ты что ответил?

– Правду. Что сам хотел бы это знать, раз плачу за тебя налоги и ты здесь вроде бы работаешь. – Я представила диалог между лощеным ментом и Виссарионом и невольно хихикнула. Виссарион тоже усмехнулся. – Я ему не понравился.

– Зато ты очень нравишься мне.

– Ты мне тоже. Как жизнь, а?

– Нормально.

– Ну, и слава богу. Девки небылицы плетут, вроде ты пришила какую-то сволочь.

– Небылицы и есть.

– Я так и подумал.

Виссарион налил чаю и, не торопясь, стал пить, держа чашку двумя руками.

– Хочу съездить к Машке, но если надо… – сказала я.

Он отмахнулся:

– Поезжай.

Я взяла у него ключи от своей квартиры, допила чай, кивнула и направилась к двери. От заведения Виссариона до моего дома несколько минут пешком. Я шла, глядя себе под ноги, и размышляла, стоит ли звонить Рахманову или дождаться, когда он сам объявится. Если он спятил настолько, что отвалил за меня кучу денег, может, позволит увидеться с ребенком? Перво-наперво я позвоню Машке, она наверняка беспокоится. Я ускорила шаги. Соседка у подъезда, кивнув мне, посмотрел так, точно увидела привидение. Я поднялась на свой этаж, открыла дверь и вошла в прихожую. Слева висел плакат с портретом Че Гевары, я сказала:

– Салют, команданте, – и поспешно отвела взгляд.

Акт мести, на который я, по неизвестной причине, возлагала большие надежды, с треском провалился, и теперь под взглядом Че я чувствовала себя нашалившей первоклашкой, пожала плечами, мол, ничего не поделаешь, и прошлась по квартире. Кажется, придется заново привыкать к жизни.

Квартира казалась чужой; если бы не портрет команданте, я бы вполне могла решить, что ошиблась дверью. Подошла к телефону, набрала Машкин номер и услышала ее тихое:

– Да.

– Салют.

– Это ты? – Машка вроде бы испугалась.

– Конечно, я. Извини, что долго не звонила. Пришлось ненадолго уехать.

– Ты… у тебя все в порядке? – как будто очень в этом сомневаясь, спросила Машка.

– Да, все как всегда. У тебя как дела? Как Тони?

– Хорошо. Только я… я не знала, что и думать. Тебя нет, твой телефон молчит… Где ты была?

– Давай я все расскажу при встрече, – кашлянув, предложила я.

Машка могла знать о том, что я стреляла в Дена, а могла и не знать. Если не знает, то лишние волнения ей ни к чему.

– Когда ты приедешь? Или мне приехать? Я возьму такси…

– Я приеду, – перебила я. – Сделаю несколько звонков и приеду.

– Хорошо.

Машка повесила трубку, я вздохнула и вновь попыталась решить: звонить Рахманову или нет? В конце концов набрала номер его мобильного. Он ответил после первого гудка.

– Олег, – сказала я и услышала:

– Твою мать… – после чего пошли короткие гудки.

– Разговора не получилось, – пожала я плечами. Полмиллиона немалые деньги, и Рахманов, как видно, не успел прийти в себя. Свидание с сыном откладывается на очень продолжительный срок.

Я бестолково бродила по комнате, глядя на окружающие предметы так, точно видела их впервые. Может, удастся встретиться с сыном без высочайшего позволения? Я не особо надеялась на это, но решила попробовать. Взяла ключи

от машины и быстро покинула квартиру. Я поехала в пригород, где жил Рахманов. Дом за высоким забором возник из-за поворота. Я притормозила возле калитки, посидела немного, собираясь с силами, и, выйдя из автомобиля, нажала кнопку звонка и стала ждать.

– Слушаю. – Женский голос звучал сурово.

– Надежда Степановна, это Юля, – сказала я.

Щелчок – и калитка открылась. Я сочла это хорошим знаком и, приободрившись, пошла по дорожке, выложенной камнем. Кусты роз по сторонам, зеленая лужайка, где-то рядом журчала вода, наверное, работал фонтан. Я поднималась по ступенькам крыльца, когда входная дверь распахнулась и появилась Надежда Степановна, всем своим видом напоминавшая старого армейского служаку. Рахманов называл ее сержантом в юбке. Было время, когда я ее ненавидела, с тех пор мое отношение к ней изменилось. Она любила моего сына, оттого наша давняя вражда перестала иметь для меня значение.

– Ты чего приехала? – сердито спросила она, прикрыв дверь и привалившись к ней спиной, напоминая плакат с известным призывом времен Отечественной «Позади Москва». Я невольно усмехнулась, но ответила как можно мягче:

– Хотела увидеть Колю.

– Ты же знаешь, что без разрешения хозяина… – Она сдвинула брови и в упор взглянула на меня.

– Я знаю, но… хоть на одну минуту… Олега ведь нет дома.

– Даже не думай, – покачала она головой и добавила: – Ты же понимаешь, он меня уволит. Я не могу, и не проси.

– Да… извините, – кивнула я.

– С ним все в порядке, – поспешно заверила она. – Мальчику здесь хорошо.

– Конечно…

Она не уходила, и я продолжала стоять на месте, мы избегали смотреть друг на друга.

– Может быть, – нерешительно начала я, – вы пойдете гулять, и я… получится, что мы встретились случайно.

– Уходи, Юля.

– Вы боитесь, что я его выкраду? – усмехнулась я.

– Кто тебя знает.

Она потянула за ручку дверь, я поняла, что надо уходить. Кивнула и стала спускаться.

– Ты чего опять натворила? – вдруг спросила она.

Я оглянулась с некоторым удивлением:

– С чего вы взяли?

– Хозяин все это время сам не свой. Злой, нервный, каждый день спрашивал, не объявилась ли ты.

– Мы поссорились. Вы же знаете, у нас такое случается.

– Ага. Охранников целый дом, только сегодня их отсюда убрали. Иди, – махнула она рукой. – Не ровен час он придет, а я тут с тобой болтаю.

Она дождалась, когда я выйду из калитки, и скрылась в доме. Глупо было надеяться, что я смогу ее уговорить.

Я вернулась в машину и поехала к Машке. По дороге заскочила в магазин и купила себе мобильный. В моей жизни не появилось ничего нового, кроме этого мобильного. Болтаюсь по городу, гоню прочь ненужные мысли и не знаю, что делать дальше.

Захотелось поскорее увидеть Машку, побыть рядом, слушая ее и время от времени кивая. Надеюсь, у них с Тони все в порядке. Конечно, в порядке. Если бы удалось ее уговорить уехать отсюда… Жизнь без Машки меня пугала, но так было бы лучше.

Я въехала в дворик, заросший сиренью, и посмотрела на окна Машкиной квартиры. В кухонном окне мелькнуло ее лицо. Я помахала ей рукой, выходя из машины.

Машка стояла в дверях, дожидаясь, когда я поднимусь по лестнице. Розовый пушистый халатик делал ее похожей на куклу. Волосы давно отросли и теперь были собраны в смешной хвостик. Уголки губ опущены, глаза смотрят печально. Выглядела Машка плохо, она и вправду был похожа на когда-то любимую куклу, которую за ненадобностью отправили на чердак. Я почувствовала острую боль и поспешила улыбнуться.

– Салют. – И вошла в квартиру.

Машка поцеловала меня, быстро оглядев с ног до головы, точно хотела убедиться, что все части тела у меня на месте.

– Салют, – прошептала она и вздохнула.

– Неважно себя чувствуешь? – спросила я, стараясь казаться непринужденной.

– Как видишь. Борюсь с пороком, а это стоит нервов, – усмехнулась она.

– Кто побеждает?

– С переменным успехом, – пожала она плечами. – Но я не сдаюсь. Вот увидишь, ты будешь мной гордиться.

– Не сомневаюсь.

Машка наркоманка, когда-то я надеялась вытащить ее, но с годами надежды таяли.

На кухне она поставила на плиту чайник.

– Хочешь выпить? – спросила неуверенно.

– Можем пойти в кафе, – предложила я.

– Тони скоро вернется.

– Как у вас, все нормально? – Она кивнула. – Ник не появлялся?

– Нет. Не видела его больше месяца. Звонила ему, когда тебя искала, он послал меня к черту, сказал, понятия не имеет, где тебя носит.

– Извини, я поступила по-свински, надо было предупредить, что уезжаю.

Я продолжала гадать, что знает Машка, приглядываясь к ней.

– Больше никто не появлялся? – спросила на всякий случай.

– Какие-то типы дежурили возле подъезда. Тебе не опасно болтаться по городу?

– Нет. Кроме типов…

– Должно быть, они не принимали меня всерьез, – перебила Машка. – Были уверены, что ты мне не доверяешь.

– Я тебе доверяю, – серьезно сказала я. – Но то, что они так решили, существенно облегчило нам жизнь.

– Нам? – Она села рядом, глядя на меня спокойно и печально.

– Мне следовало подумать о тебе, но я… извини.

– У тебя появились секреты, – без обиды заметила Машка.

– Чепуха.

– Брось, я все знаю. Я ведь тебя искала, расспрашивала всех. Сашка Черный сказал, что ты стреляла в этого парня. – Сашка Черный ее дилер и о многих вещах, что происходят в городе, неплохо осведомлен.

– Машка, – позвала я.

– Что?

– Ничего. Прости меня.

– Мне не за что тебя прощать. Я всегда была обузой, если бы не я…

– Прекрати. Я хотела его убить и ни о чем другом думать была не в состоянии. Я даже не подумала, что моя выходка может стоить тебе неприятностей. Больших. Слава богу, все обошлось.

– Ты не хочешь это признать, но я-то уверена: без меня тебе было бы легче.

– Нет. Выбрось эти мысли из головы. Пожалуйста. – Я погладила Машкину руку, но она убрала ее.

– Знаешь, о чем я думаю? – вздохнула она. – Ему бы тоже было легче…

– Кому?

– Тони. Он меня не любит. Просто жалеет. Он никогда не сможет бросить меня, потому что хороший человек. Но меня не любит.

– С чего ты взяла? – нахмурилась я.

– Чувствую. Любая женщина чувствует такие вещи. Он добрый, нежный, заботливый, но он меня не любит.

– Ты вбила себе это в голову и теперь страдаешь. Я уверена…

– Успокойся. Ничего я себе в голову не вбивала. И он никогда не скажет правду.

– Тебе надо устроиться на работу, а не сидеть в четырех стенах, ожидая Тони. Где он, кстати?

– Задерживается… Он редко задерживается, – поспешно добавила Машка. – На работу меня не возьмут, я же чокнутая. Разве что посуду мыть. Да и не в этом дело. Просто я чувствую свою ненужность. Ни ему, ни тебе я не нужна.

– Глупости.

– Я думала, может быть… если бы у меня был ребенок… – Я боялась поднять на нее глаза, боялась, вдруг она поймет, что я хотела и не могла сказать ей. – Появился бы смысл… Я говорила с Тони.

– И что?

– С его точки зрения, ребенок – это прекрасно.

– Значит, ты решила…

– Ничего я не решила, – отмахнулась Машка. – Чего ты молчишь? – помедлив, продолжила она. – Ты ведь считаешь, с моей стороны было бы глупостью…

– Нет, я так не считаю. В любом случае решать вам.

– Я спрашиваю твоего совета.

– Я плохой советчик, – усмехнулась я.

– Ты просто боишься обидеть меня. Как и он. А если бы не боялась? Посоветовала бы мне «Мирену», которой пользуешься сама?

– По поводу «Мирены» могу сказать одно: если бы я знала о ней раньше, возможно, не оказалась бы в такой скверной ситуации.

– Ты имеешь в виду Рахманова? – спросила Машка.

– Конечно!

– Я вовсе не собираюсь торопиться с ребенком, – вздохнула она. – Надо все взвесить… Подождать год или даже два…

– Я ведь не зря тебе советовала «Мирену», – заговорила я, надеясь, что тяжелый для нас разговор, лишившись своего трагизма, перейдет в задушевную болтовню двух подружек. – Внутриматочная гормональная система гарантирует практически стопроцентную защиту от беременности. Поверь мне на слово – средство надежное. Я им стала пользоваться сразу после родов. Причем «Мирена» еще и лечебным эффектом обладает, что тоже очень важно. А если ты решишь завести ребенка – без проблем, беременность возможна уже в первый месяц после удаления системы.

Тут скрипнула входная дверь, Машка вскочила.

– Тони…

Она выбежала в прихожую и через минуту появилась на кухне вместе с мужем.

Тони взглянул на меня и смущенно улыбнулся:

– Здравствуйте.

– Салют, – ответила я.

– Будешь ужинать? – засуетилась Машка.

– Попозже. Вы чай пьете? – Он старался быть непринужденным, но то и дело с беспокойством поглядывал на меня, пытаясь делать это незаметно.

Машка налила чаю и встала за его спиной, положив руки ему на плечи. Когда она смотрела на него, лицо ее преображалось и вновь делалось красивым, я видела, как она любит его, но было заметно, что эта любовь не принесла ей счастья. Может, любовь такая штука, что, кроме страдания, вообще ничего не приносит?

Они были прекрасной парой, но вместо радости я испытывала щемящую тоску, глядя на них.

– Как ваши дела? – нерешительно спросил меня Антон.

– Отлично.

– Куда-то уезжали? Маша очень беспокоилась. – В этом замечании звучал упрек, он тут же попытался сгладить свои слова улыбкой. Улыбка у него необыкновенная, она озаряла все лицо, делая его по-настоящему красивым. Он перевел взгляд на Машку, потом поцеловал ее руку, и в его взгляде было столько нежности, что я невольно рассердилась на Машку: все ее обвинения не более чем глупые домыслы. Слава богу, он ее любит.

– Я пойду, – сказала я, поднимаясь из-за стола.

– Куда ты? – растерялась Машка.

– Обещала помочь Виссариону. Тебе от него привет.

– Я его видела два дня назад. Он очень переживал из-за тебя.

– Похоже, все из-за меня переживают, – развела я руками. – Извините.

– Мы вас проводим, – вскочил Тони, лицо его было каким-то растерянным, словно он не знал, как себя вести, и мучительно переживал это.

– Я на машине.

– Ах, ну да, я видел ее во дворе.

– Давайте закатимся завтра в ресторан, – спасла положение Машка. – Напьемся как следует, раз уж есть повод, все-таки давно не виделись.

– Хорошая идея, – кивнула я. – У меня новый мобильный, запиши номер.

Тони остался на кухне, Машка проводила меня до двери.

– По-моему, ты спятила, – шепнула я. – Он тебя любит.

Машка улыбнулась и поцеловала меня на прощание.

У Виссариона в это время наплыва клиентов обычно не наблюдалось. Кафе облюбовали проститутки, работавшие на улице по соседству, оттого название «Бабочка» всегда казалось мне иронично-двусмысленным. Для девиц еще слишком рано, значит, Виссарион пока обойдется без меня, правда, чем заняться, я не знала. Свернув во двор своего дома, я удивленно присвистнула, заметив возле подъезда машину Рахманова. Я не спеша припарковалась, стекла его спортивной тачки тонированы, так что непонятно, он ждет в ней или поднялся в квартиру, – ключи у него были, если он их в досаде не выбросил, конечно. Меня никто не окликнул, значит, Олег у меня дома. Я толкнула дверь и услышала, как он чертыхнулся, что-то уронив на кухне. Я прошла туда. Рахманов в бежевом костюме в тонкую полоску пинал ногой стул, вытирая платком окровавленную руку.

– Что ты делаешь? – полюбопытствовала я, привалившись к дверному косяку.

– Пытался открыть бутылку, штопор сломался, я порезал палец.

– Давай помогу. – Я приблизилась, но он толкнул меня в грудь.

– Обойдусь.

– Обходись, – пожала я плечами и отправилась в комнату.

С интервалом в минуту он тоже появился там, терпение никогда не было в числе его достоинств. Я сидела в кресле, откинув голову и прикрыв глаза, – меньше

всего на свете сейчас мне хотелось выяснять отношения, но стало ясно: без этого не обойтись. Я готовилась к глухой обороне, поражаясь, что не испытываю никаких добрых чувств к своему любовнику, отвалившему кругленькую сумму за мою жизнь.

– Где ты была? – рявкнул он.

– Час назад, день или неделю? – уточнила я.

Он сел в кресло, его красивое лицо исказила презрительная гримаса, он похлопал рукой по карманам, достал сигареты, закурил, управляясь одной рукой, вторая, с замотанным носовым платком пальцем, лежала на подлокотнике кресла.

– Я даже не спрашиваю, о чем ты думала, затевая все это, – покачал он головой, – и о чем думаешь сейчас, появившись в городе. – Я оставила его слова без внимания, это ему не понравилось, он вновь рявкнул: – Какого хрена ты сидишь как ни в чем не бывало?

– А что, по-твоему, я должна делать? – вздохнула я. – Сойдемся на том, что я соскучилась.

– Врезать бы тебе как следует, – устало заметил он.

– Врежь. Я не против. Буду признательна, если ты вкратце объяснишь, как обстоят мои дела.

– Твои дела, – передразнил он. – Где были твои мозги, когда ты связалась с этим подонком? Грязная шлюха…

– Ты ведь пришел сюда не затем, чтобы сказать мне это? Или я не права?

– О, господи. – Он сокрушенно покачал головой. – В тебе нет ни капли совести или раскаяния… Мне приходилось встречаться со всякой мразью, но такой, как ты…

Его возмущение выглядело вполне искренним, и я решила: парень убивается по своим денежкам, раз уж о совести заговорил, значит, страдания вышли из берегов. Я попыталась обнаружить какое-то подобие признательности в своей душе. Не удалось. Ладно, в конце концов, я его ни о чем не просила.

– У тебя-то с совестью все в порядке, – заметила я.

– Молчи! – заорал он. – Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Если бы не я… черт. – Он бросил сигарету в вазу и устало прикрыл глаза рукой.

– Ты не ответил на вопрос, – выждав немного, сказала я. – Как там мои дела?

– Твой дружок заявил, что не имеет к тебе претензий, хоть ты в пьяном угаре едва его не пристрелила. Не знал, что у вас большая любовь.

– Я тоже не знала. Что дальше?

– Менты у него были, он сказал, что понятия не имеет, кто в него стрелял, нападавшего не видел. Объяснить, что делал за городом в такое время, не захотел, тебя он якобы высадил по дороге. – Я кивнула, Олег продолжил после паузы: – Разумеется, менты особо копать не будут. Им это ни к чему, учитывая биографию твоего дружка. Полсотни людей, как минимум, желали бы видеть его в могиле. Но с тобой захотят встретиться. – Олег достал сложенный вчетверо листок бумаги и швырнул мне на колени. – Выучи наизусть, – сказал презрительно. – Чтобы твои показания не расходились с показаниями его охраны.

– Спасибо, – ответила я.

– «Спасибо», – передразнил он. – Можно подумать, что такой, как ты, знакомо чувство благодарности.

– Знакомо.

– Позволь в этом усомниться, – язвительно заметил он, и я решила: «Шоу начинается». – Я то думал… что хотя бы ради сына ты будешь вести себя…

– Заткнись, – не выдержала я.

– Это я должен заткнуться? – едва не задохнулся от возмущения Рахманов. – Здорово. Ты живешь на мои деньги и трахаешься с этой мразью. А потом в пьяном бреду стреляешь в него. Тюрьма для тебя, надо полагать, дом родной, если ты опять решила туда отправиться. Обо мне ты подумала? О сыне? Мальчишка вырастет, и что ему скажут?

– Скорее всего, ничего. Ты позаботишься о том, чтобы он не узнал, кто его мать.

– А что мне остается? Бывшая наркоманка, сидевшая в тюрьме, а теперь еще и несостоявшаяся убийца. Ты соображала, что делала? Скорее всего, нет, раз уж не смогла пристрелить эту тварь.

– Тебе когда-нибудь приходилось стрелять в человека? – усмехнулась я. – Впрочем, о чем это я. Ты у нас парень с совестью и чистыми руками. Так вот, убивать страшно. За себя страшно. Ведь внутри тебя что-то умирает. И когда видишь, как из человека уходит жизнь, тоже очень страшно, потому что понимаешь, как это просто – убить. Нажал на курок – и все.

– Прекрати, – разозлился он. – Не желаю слушать этот бред. Зачем, зачем ты это сделала?

– Он убил моего мужа, – пожала я плечами.

– Устроила вендетту? Мило. Очень мило. Даже романтично. Твой муж был обыкновенным мерзавцем, связался с такими же мерзавцами, и они его пристрелили. А ты что о себе вообразила? Меня тошнит при мысли, как цинично и подло ты использовала меня. Я-то гадал, зачем тебе понадобился загородный дом, оказывается, чтобы встречаться с этим… за моей спиной, на мои деньги…

– За деньги отдельная благодарность. Если честно, не ожидала, – сказала я, пока мы окончательно не разругались.

На мгновение лицо его стало растерянным.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Ведь как-то ты с ним договорился? – пожала я плечами.

– С кем? С Деном? Еще чего. Неужели ты думаешь, что я опущусь до разговоров с этим ублюдком? Глупее тебе в голову ничего не пришло? С ним Ник имел дело, так что скажи «спасибо» другому своему дружку. Любопытно, как они тебя делить намерены?

– Составлю расписание, – буркнула я и схлопотала по физиономии. Я вытерла разбитую губу и вздохнула. Надеюсь, ему стало легче. Олег направился к двери.

– Я приехал только с одной целью, – на ходу заявил он. – Сказать тебе, что между нами все кончено. Я не желаю тебя видеть и слышать о тебе тоже не хочу.

– Меня это устраивает, – ответила я.

– Не сомневаюсь. Ребенком ты никогда не интересовалась.

– Вранье. Но если тебе так удобнее…

– Посмей еще хоть раз появиться возле моего дома, – возвысил он голос.

– Я хотела увидеться с сыном, что в этом плохого?

– У тебя нет сына. И никогда не было. Попробуешь с ним встретиться, и я упеку тебя в сумасшедший дом.

Я услышала, как хлопнула входная дверь, и поморщилась. Поведение Рахманова меня не удивило, странно другое. Если Макс не врал насчет денег, тогда выходит… Черт знает что выходит. Я не сомневалась, что Олег сказал правду, значит, заплатил за меня кто-то другой. Кто? Неужто Ник? Поверить в такое еще труднее, чем в то, что раскошелился Рахманов.

Я набрала номер Ника, его телефон был отключен. Это могло означать только одно: он пьянствует и не желает, чтобы его беспокоили. Пройдясь по комнате, я подошла к столу, развернула листок бумаги и прочитала показания Дена. Вряд ли менты им поверили, но Рахманов прав, им ни к чему копаться в этом деле. А

вот мне хотелось прояснить ситуацию. И я отправилась в ночной клуб, где, скорее всего, обретается Ник.

Охранник на входе выглядел недовольным.

– Ник здесь? – спросила я.

– Ага, – кивнул он и решил пожаловаться: – Что за муха его укусила, цепляется ко всем.

– Бывает.

Я прошла длинным коридором, толкнула дверь.

В небольшой комнате трое мужчин играли в карты. Ник с красными от неумеренного пития глазами как раз приложился к бутылке, меня невольно передернуло. Парни казались утомленными, с беспокойством наблюдали за ним.

– О, какие люди, – дурашливо пропел Ник, увидев меня. Его дружки оглянулись и вроде бы вздохнули с облегчением, решив, видно, что теперь Ник переключится на меня. – Надумала составить нам компанию?

– Ты же знаешь, я не играю, – пожала я плечами, устраиваясь на диване.

– Конечно. Папочка-профессор не велит, – хихикнул Ник. – Это моя девушка, – сообщил он партнерам по игре. – Она не какая-нибудь шлюха. Нет, что вы. Она болтает на двух языках, а какие у нее титьки… впрочем, титьки вы видите сами. Чего притащилась? – нахмурился он.

– Могу уйти, если я не вовремя.

– Ладно, притащилась и притащилась.

Он отшвырнул карты и махнул мужикам рукой:

– Топайте отсюда.

Они поспешили подняться и покинули комнату с заметным облегчением, похоже, общение с Ником стоило им нервов.

– Выпьешь со мной? – спросил он и опять хлебнул из бутылки.

– Давай отвезу тебя домой, – предложила я.

– Домой? Что я там забыл? Ты явилась, чтобы отвезти меня домой, или есть еще что-то?

– Думала, тебе будет интересно, как прошла моя встреча с Деном.

– И как она прошла?

– Он назвал тебя идиотом.

– Очень мило.

– Ага. Сказал, что я не стою этих денег.

– Кто бы спорил. Конечно, не стоишь.

– У меня был Рахманов. Не верится, что эти деньги выложил он.

– У него снега зимой не выпросишь, – хихикнул Ник.

– Тогда откуда доллары?

Он вновь хихикнул и ударил себя кулаком в грудь:

– Все, что нажито непосильным трудом. Недоедал, недосыпал, пил только чай. На самом деле я их занял, и долг придется вернуть.

– Ник, – позвала я.

– Т-с-с, – прижал он палец к губам. – Заткнись. Не то я очень рассержусь. Знаешь, любовь моя, мне очень жаль моих денег. Так жаль, что я…

– Ник…

– Заткнись, я сказал. Ты их не стоишь. Ты ни черта не стоишь. Какого хрена я вожусь с тобой? Попробуй сказать, что не веришь в мое доброе сердце.

– Вот что, поехали домой. Ты не только на ногах не стоишь, ты сейчас со стула свалишься. И перестань пить водку из горлышка, у меня от этого зрелища зубы сводит.

Я подошла к нему с намерением помочь ему подняться. Он сгреб меня за плечо, встряхнул.

– Слушай, сучка, ты мне жизнью обязана, своей поганой жизнью. Найди мне эти документы, из-под земли достань. Не то я сам тебя закопаю, слышишь, и тебя, и твою подружку-наркоманку.

– Я их найду, – кивнула я. – И принесу тебе.

Ник уставился на меня своими рыбьими глазами, подумал и погрозил пальцем:

– Врешь, врешь, мерзость такая. И за что мне все это, господи? Человеку с моим добрым сердцем нет места в этом мире корысти и обмана.

– Ты в нем неплохо устроился.

– Ага. Благодаря тебе я лишился надежд на уютную старость. Домик на юге, цветочки… я в панаме, и рядом сучка со здоровыми титьками, готовая выносить за мной ночной горшок.

– Это твоя мечта?

– Была. Теперь сыграла в ящик.

– До старости тебе далеко.

– Я буду скучать по моим бумажкам с мертвыми президентами. Очень много бумажек, которые теперь в чужих руках. Кто их будет холить и лелеять, как я?

– Вставай, Ник, ты тут всех успел достать.

Он тяжело поднялся, опираясь на мое плечо, и мы побрели к выходу.

– Теперь ты знаешь, кто твой настоящий друг? – бормотал он, едва передвигая ноги. – Эти суки хвосты поджали, твоему Рахманову плевать на тебя, всем плевать. Что бы ты делала без папочки?

– Я тебя обожаю.

– Как бы не так. И я дурак, последний дурак. Самому противно. Вот, пью с горя.

Охранник, заметив, что мы двигаем по коридору, точно два раненых бойца, кинулся мне помогать, но Ник одарил его таким взглядом, что тот замер на полдороге.

– В мире нет человека благороднее меня! – заголосил Ник. Парень распахнул перед нами дверь, и мы выбрались на улицу. – Чувствую себя Ромео, такой же идиот, – хихикнул Ник. Я помогла ему устроиться на заднем сиденье и завела мотор. – На самом деле мне бабок нисколечко не жалко, – заявил он и через минуту захрапел.

Возле подъезда мне удалось привести Ника в чувство, и он с моей помощью поднялся в свою квартиру, ворча под нос ругательства. Определив его на диван, я поехала к Виссариону, где была встречена аплодисментами. Несколько шлюх, заглянувших на огонек, таким образом демонстрировали мне свое расположение. Девиц было немного, аплодисменты вышли довольно жидкими, но душу, безусловно, согрели. Раскланиваясь на три стороны, я проследовала к роялю и торжественно объявила:

– Дамы и господа. Шопен. Ноктюрн.

– Может, это, – робко начала Зойка, самая отчаянная из девок, – для праздничка что-нибудь… массовое? Пение хором объединяет, – косясь на Виссариона, торопливо закончила она.

Виссарион кивнул, но тут же внес свою поправку:

– Только что-нибудь серьезное.

Девять человек из десяти назвали бы его чокнутым и, наверное, были бы правы, раз Виссарион задумал воспитывать шлюх посредством искусства, но я присоединиться к ним не спешила, так как особого толку в его воспитании не видела. Из озорства я заиграла «Вставай, страна огромная», девицы дружно подхватили, причем воодушевились до такой степени, что у Виссариона от внезапно нахлынувшего патриотизма на глазах выступили слезы. Когда музыка наконец смолкла, окрыленные девицы отправились на улицу с выражением лица народных героинь, то и дело сбиваясь на строевой шаг.

– Вот она, сила искусства, – неизвестно что имея в виду, пробормотал Виссарион и скрылся в подсобке, должно быть решив предаться обуревавшим его чувствам в тиши и без свидетелей.

Немногие из посетителей, забредшие сюда случайно и понятия не имевшие, что это за лавочка, оглядывались вокруг с диким видом и косились на меня, очевидно, гадая, что следует сделать: попросить автограф или уносить отсюда ноги, пока не поздно.

Шопена я все-таки сыграла. Часам к двенадцати подтянулись завсегдатаи, из тех, кто знал: кафе «Бабочка» – это что-то вроде профсоюза уличных девок и приходивших сюда ради экзотики. Народ столпился у рояля и молча слушал, а в перерывах они говорили, как рады меня видеть, и даже интересовались, где меня носило столь долгое время. А я, несмотря на всю абсурдность ситуации, вдруг почувствовала себя так, точно вернулась домой, и даже нечто вроде счастья снизошло на меня.

Виссарион с сияющими глазами предложил всем выпить по случаю моего возвращения за счет заведения, но я настояла, что угощаю сама, дабы заведение не разорилось. Торжественная атмосфера была слегка нарушена потасовкой двух девиц, бог знает что не поделивших и явившихся к Виссариону искать правды. Девицы срывались на визг, нацелившись друг в друга кроваво-красными ногтями, оттого понять из их рассказа ничегошеньки было невозможно. Виссарион поступил как мудрый библейский правитель, влепил по затрещине обеим и предложил заткнуться. Остаток ночи девки просидели с мрачными лицами, время от времени бросая друг на друга испепеляющие взгляды. В четыре утра народ отправился на покой, девки пошли ловить подзадержавшихся клиентов, а я вымыла посуду и простилась с Виссарионом до следующей ночи, в душе сожалея, что прибыла сюда на машине. Притихший город с безлюдными улицами вызывал острое желание пройтись пешком. Однако до жилища Ника отсюда было все-таки далековато, и я поехала.

Ник спал на диване в своей огромной гостиной, свесив руки, а я отправилась в одну из комнат неясного назначения, где диван, однако, тоже был, хоть и не такой роскошный. Я устроилась на нем и для начала задумалась: на кой черт Нику квартира в двести сорок квадратных метров, если живет он один, причем редко когда ночует дома? Потом я задалась вопросом: а хотела бы я жить в подобной квартире? И пришла к выводу, что такая мысль могла явиться мне лишь в приступе белой горячки, я и в своей-то хрущевке не знала толком, что делать. Потом подумала, что в большой семье у каждого должна быть своя комната. Представила, что у меня именно такая семья, детишки бегают по дому, все роняют, визжат и смеются, и заревела, что было, безусловно, глупо, но извинительно, ведь я точно знала: никакой семьи, ни малой, ни большой, у меня не будет, и своего сына я теперь вряд ли увижу. На этой малооптимистичной ноте я и отошла в мир снов.

Проснулась я часов в десять, Ник в гостиной признаков жизни не подавал, я прошла на кухню и попыталась приготовить завтрак из тех продуктов, что обнаружились в холодильнике. Минут через двадцать в кухню заглянул Ник, рожа помятая, взгляд сердитый, он принялся искать сигареты, игнорируя меня, я бродила по кухне в его рубашке, единственной чистой, что нашлась в шкафу, и тоже его игнорировала.

– Я надеялся, что ты уже свалила, – заявил Ник, внезапно обретя голос.

– Раз уж я обязана тебе по гроб, можешь рассчитывать хотя бы на яичницу по утрам, – ответила я. Ник хмыкнул и устроился за столом.

– Не нарывайся, я с перепоя злой, – счел нужным предупредить он.

– А ты бываешь добрым? – удивилась я.

– И добрым, и даже щедрым. В чем ты имела возможность убедиться.

– Поправка принята, – кивнула я.

– Ты здесь ночевала? – проявил он интерес.

– Вернулась в пять утра.

– А где тебя носило до пяти?

– Работала.

– У Виссариона, что ли? – усмехнулся Ник. – Уверен, шлюхи пришли в восторг, обнаружив тебя за роялем, в их полку прибыло.

– Точно. Мы пели хором.

– Восхитительно. Вы случайно не нуждаетесь в сочном баритоне? Боюсь, мне скоро придется подрабатывать в вашем кабаке.

– Вакансий нет, но для тебя что-нибудь подыщем.

– Вот продам родное гнездо, куплю домик в деревне, буду жить с коровкой и поросенком.

– Вроде бы ты всю жизнь мечтал об этом?

Ник исподлобья взглянул на меня, а я вздохнула в ожидании затрещины. Но махать руками ему было лень, он вяло жевал яичницу с видом мученика.

– Тебе повезло, – вдруг заявил он. – Долгих не было до происходящего никакого дела, твоему Рахманову тоже, так что твоя судьба зависела целиком от меня. Но везение не бывает бесконечным. Еще одна выходка – и я провожу тебя на кладбище. Буду обливаться слезами, а потом уйду в запой на сорок дней. Большой удар по моей печени, ты уж постарайся, чтобы до этого не дошло.

– Постараюсь, раз это в моих интересах, – пожала я плечами.

– Хватит лирики, – отодвигая тарелку, посерьезнел Ник. – Ты помнишь, что я сказал: мне нужны эти бумаги.

– Я помню. Можешь не сомневаться, я сделаю все, чтобы их найти.

– Ага. Главное, чтобы ты не забыла передать их мне. На всякий случай предупреждаю: не вздумай хитрить. Сама ты от этих документов ничего не выгадаешь, только шею себе свернешь. Помни о своем стервеце-муже. Он тоже схитрил и оказался на кладбище.

– Кстати, о стервеце-муже, – заговорила я. – Откуда такая уверенность, что бумаги эти существуют? Он пытался шантажировать Долгих и что-то предъявил ему, так?

– Разумеется.

– Какой-то документ, который произвел на нашего небожителя впечатление? Эй, ласковый мой, – позвала я, заметив, что Ник сидит с отсутствующим видом. – Ты с перепоя думать в состоянии или отложим разговор до лучших времен?

– Мои умственные способности всегда на высоте. Училась бы у папы, сучка безголовая. Куда ты клонишь? – нахмурился он.

– Что, если предъявленная бумажка – это все, что было у Павла?

Ник захихикал, сделал глоток кофе из чашки и весело посмотрел на меня.

– Не считай других дураками, это вредно для здоровья. Документы твой муженек отсканировал, а дискету передал Долгих. Поначалу, как ты помнишь, он отправил диск нашим конкурентам, прибери их, господи, поскорее. Диск суду не предъявишь, но если бумажки окажутся не в тех руках… Надо, чтобы они оказались у нас, детка.

– И что дальше?

– Дальше не твоего ума дело. Главное – найди мне их.

– Зачем, по-твоему, я трачу сейчас твое и свое время?

– Очень интересно, зачем?

– Уверена, ты пытался их найти. Может, поделишься тем, что успел накопать, чтобы мне не ходить проторенными путями?

– Тебе хорошо известно, когда твой муж вернулся в наш город. Так вот, до встречи с тобой он жил у одной шлюхи, впрочем, это тебе тоже известно. У нее чисто, я проверил. С матерью он не виделся, только звонил ей. Разумеется, он мог послать ей бумаги по почте, но, во-первых, это рискованно, ведь у родных и друзей будут искать в первую очередь…

– А во-вторых?

– Во-вторых, он их не посылал, – нахмурился Ник. – По крайней мере, через почтовое отделение она ничего не получала.

– С кем он здесь встречался, не считая меня?

– С супостатами-конкурентами, точнее, с одним из них, которого сам и пришил впоследствии, с твоей Машкой и ее малахольным мужем. Есть еще несколько старых знакомых, которых я в расчет не беру. Уверен, он бы не доверил никому эти документы.

– Тогда где они могут быть? – нахмурилась я.

– Где угодно и нигде, – скривился Ник. – Самое разумное – банковская ячейка. В его вещах был ключ и бумага, дающая право доступа к ячейке? Нет, – сам себе ответил Ник. – Но они должны быть. В его и твоей квартире я искал – пусто. Тачка, квартира, его девки – тоже. Но где-то ключик лежит. И если мы его найдем, ты, как законная супруга, с полным правом можешь заглянуть в ячейку.

– Ты предлагаешь искать иголку в стоге сена.

– А на кой хрен ты мне сдалась, если бы найти бумаги было так просто? Ты знаешь своего засранца-муженька лучше других, вот и напрягай мозги.

– Значит, нигде и везде, – кивнула я. – Он был под наблюдением, так? Отчеты у тебя сохранились?

– Сохранились. Зачем тебе отчеты? Все места, показавшиеся подозрительными, мы давно проверили.

– Кафе, к примеру, подозрительное место? – задала я вопрос. Ник хмуро уставился на меня, а я продолжала: – Ключ от банковской ячейки много места не займет, так же, как и пропуск. Прилепи скотчем в каком-нибудь труднодоступном месте и…

– Определенный риск в этом есть.

– Конечно. Но при себе носить его гораздо рискованнее.

– Черт, – покачал головой Ник – Мне уже тошно при одной мысли о работе, которая нам предстоит. – Он подался вперед и, глядя мне в глаза, сказал: – Но оно того стоит, детка. Оно того стоит. Это наша путевка в счастливую жизнь.

– Хозяева тоже не дураки, – осторожно заметила я.

– Правильно. Мы проявим верноподданнические чувства и вернем им документы. Но самые интересные оставим себе.

– Если все их Павел отсканировал, твои хитрости сразу выйдут наружу.

– Предоставь это мне. Главное, раздобыть бумаги. Сладкоречивый не успел объявиться? – сменил Ник тему.

– Заглядывал вчера, – ответила я.

Он засмеялся:

– Надо же, неймется парню.

– Зря радуешься. Он заехал только для того, чтобы сообщить: между нами все кончено.

– Напомни, дорогая, сколько раз он говорил тебе это?

– У меня создалось впечатление, что на сей раз он был настроен серьезно.

– А до этого он шутки шутил? Брось, парень крепко подсел на сладенькое. Сейчас он здорово злится, ведь ты крутила любовь с Деном за его спиной. Малость успокоится и прибежит.

– Не может он быть таким идиотом, – возразила я.

– Может, может. Мужиков к тебе тянет, как алкаша к бутылке. Взять хоть меня, к примеру. Уж сколько раз клялся, что сверну тебе шею и заживу счастливо, так нет, снял последнюю рубаху, чтоб вытащить тебя из дерьма.

– Не последнюю, как видишь, в шкафу я нашла еще одну. – Я подумала, что Ник разозлится, но он был подозрительно добродушен.

– Ты выглядишь восхитительно. Может, снимешь ее к чертовой матери и попытаешься привести меня в чувство?

– Береги силы, они тебе еще понадобятся.

– Вот так всегда, нет бы утешить папулю.

Ник поднялся и побрел из кухни, вернулся назад с ворохом бумаг.

– Вот те самые отчеты, – бросив их передо мной, пояснил он. – По мне, так ничего интересного.

Я стала просматривать отчеты, то и дело ухмыляясь.

– Они достойны рубрики «Нарочно не придумаешь», – сказала я, видя, что мои ухмылки раздражают Ника.

– Да, с правописанием у ребят плоховато. С мозгами, кстати, тоже. А чего ты хочешь? Не у всех папа профессор.

Правописание и оригинальный стиль перестали интересовать меня очень быстро. Поразило другое: люди Ника буквально не спускали глаз с Павла. Знал ли он об этом? Должно быть, догадывался. Значит, был вдвойне осторожен. Имена, даты…

– Чего щекой дергаешь? – хмыкнул Ник. – Воспоминания нахлынули? Жаль, что твой муженек тебе не доверял, избавил бы нас от непосильной работы.

– Что ж, кое-что все же есть, – не обращая внимания на его слова, вздохнула я. – Начнем?

– Завтра. Сегодня я ни на что не годен, – отмахнулся Ник. – Поцелуй папу в темечко и вали отсюда. И забери свою пушку. Оружие в доме – плохая примета, так и тянет застрелиться.

По дороге домой я предалась воспоминаниям, заново прокручивая свою историю. Ник не зря зовет меня профессорской дочкой, мой отец и впрямь профессор, но, когда я оказалась в тюрьме, он поспешил вышвырнуть меня из своей жизни. Впрочем, за это я его не винила. Если кто и был виноват в том, что случилось, так это я сама.

Моя мама умерла, когда я училась в школе, отец замкнулся в своем горе, и мы незаметно стали чужими людьми. Зато судьба мне послала Машку. Она

заменила мне семью, а я ей, потому что семьи у нее тоже не было, мать с отчимом запойные, брат погиб. Мы жили вполне счастливо, пока я не встретила Павла. Француз (под таким прозвищем он был известен больше) щеголял дорогими тряпками, хорошими манерами и безукоризненным знанием французского языка. Красивый парень, который зарабатывал на красивую жизнь наркотой. С этой самой наркотой нас с Машкой и взяли, после чего определили в места лишения свободы. Из тюрьмы мы вышли с большим жизненным опытом, но иллюзий не утратили. Я, к примеру, по непонятной причине продолжала верить, что Павел меня любит, хотя все годы, что я смотрела на мир сквозь решетку, он признаков жизни не подавал. К моменту нашего возвращения родной город он покинул, и для этого была веская причина. Хозяин Ника и мой, разумеется, тоже, тип по фамилии Долгих, бизнесмен, а по сути бандит, рассорился с компаньоном, который доводился ему родственником, братом жены. В пылу военных действий первой жертвой стала жена Долгих, которую муж убил под горячую руку, так как она встала на защиту брата. Сделал он это в месте малоподходящем, в собственном офисе, где ушлый начальник охраны установил видеокамеры.

У начальника охраны, который в битве титанов то ли принял сторону бывшего компаньона, то ли сам надеялся руки нагреть, оказался компромат, о котором он мог только мечтать. Долгих очень скоро узнал об этом, и на бывшего начальника охраны началась охота. Павел, который был с ним хорошо знаком, предложил ему в качестве укрытия дом своего деда. Туда мы и забрели в поисках Пашки в крайне неудобное время: одновременно с нами в доме появился Ник со своими головорезами. Бывший начальник охраны погиб, но кассету, которую Долгих так хотел получить, успел выбросить в окно. И она оказалась у нас. Мы пребывали в напрасной уверенности, что возле дома нас никто не видел и, следовательно, Ник нас никогда не найдет. Кассету я смогла передать Пашке, он поспешил унести ноги, а вскоре в нашей с Машкой жизни возник Ник. Ему нужна была кассета, которой у нас, понятное дело, не было.

Тот период своей жизни я вспоминать не люблю. Остались живы, и слава богу, хотя это еще как посмотреть. Ник не пристрелил нас по одной причине: надеялся, что Пашка объявится. Разумеется, они его искали и в конце концов нашли. Кассету он им вернул и вышел из передряги с некоторым количеством сломанных ребер и прочими незначительными увечьями. У Ника, как и у его хозяев, были сомнения, что кассета была в одном-единственном экземпляре. Мысли вполне здравые, и они предпочли видеть Пашку живым, приглядывая за ним. Это лучше, чем, отправив его к праотцам, вдруг узнать, что дубликат кассеты всплыл где-то еще.

Пашка в дальних краях вел себя образцово и практически смог убедить недругов, что ничегошеньки у него на них больше нет. Кассеты у него и правда не было. Зато было кое-что еще. Некие документы, которые тот же начальник охраны успел позаимствовать и отдать Пашке на хранение. Тот терпеливо ждал несколько лет, пока вдруг не объявился в нашем городе с оригинальным намерением заработать миллион «зеленых». Но шантажировать Долгих он не стал, а связался с одним из его конкурентов. Долгих к тому времени чувствовал себя в городе хозяином, и его враги, само собой, рады были отвалить за такой подарок, как этот компромат, любые деньги.

О том, что Пашка в городе, сообщил мне Ник, которого его внезапное появление заинтересовало и насторожило. К тому моменту я была накрепко связана с Ником и доказывала ему свою надобность чуть ли не ежедневно, потому что хотела сохранить жизнь себе и Машке. Машка шпионила для Ника, работая секретарем у одного из дружков Долгих, считавшегося весьма ненадежным. Вскоре от него решили избавиться и пристрелили в собственном кабинете. Машке пришлось взять убийство на себя, но вместо тюрьмы она оказалась в психушке, откуда ее через некоторое время выпустили. Разумеется, Ник был уверен: я сделаю все, что он прикажет, оттого и отправил меня к Пашке в надежде, что тот, вспомнив былую любовь, разговорится. Но тот умел хранить секреты, и я до последнего мгновения, когда обнаружила его окровавленного в постели, не знала, что он задумал. От конкурентов Долгих он переметнулся к самому Долгих, снизил цену на документы, но поставил условие: я беспрепятственно уезжаю с ним, причем вместе с ребенком, которого почти сразу после рождения отобрал у меня отец сына, адвокат и ближайший помощник Долгих, Олег Рахманов.

Пока они торговались, в игру вступил Ден. Характеризовать наши с ним отношения я не берусь, дикая помесь ненависти, презрения и взаимных обязательств. Я ему крепко задолжала, и он вроде был мне обязан, ко всему прочему, он решил, что я ему нужна, и даже называл свои чувства любовью. В это я, разумеется, поверить не могла, Ден не из тех, кто способен любить, а если и способен, то такая любовь пострашнее ненависти. В чем я скоро смогла убедиться. Он выследил нас с Павлом, и мой муж через несколько часов умер в больнице. Я вознамерилась отомстить, и… ничего хорошего из этого не вышло. Ден жив и, скорее всего, выкарабкается, а вожделенные бумаги неизвестно где и могут всплыть в самый неподходящий момент, что, безусловно, нервирует моих хозяев. Они ждут от меня большой старательности в обмен на то, что мне позволили и дальше пребывать в этом мире. Ник, как всегда, стремится обыграть ситуацию в свою пользу, то есть хочет иметь компромат на своих

хозяев, понимая, что в любую минуту может стать для них фигурой нежелательной.

В общем, ситуацию, в которой я оказалась, завидной никак не назовешь. Я должна найти эти документы. Значит, придется их искать или хотя бы создавать вид, что я это делаю, потому что всерьез найти их не надеялась. Павел мне не доверял, и я понятия не имела, где он мог спрятать компромат. Из разговора с Ником я вынесла убежденность, что и он не в курсе. Поиски банковского ключа, который Павел мог спрятать в каком-нибудь кафе, сущая ерунда, но Ник вроде бы мою идею принял, что уже хорошо. У меня появится возможность что-то придумать или попросту потянуть время. А там посмотрим. Перспектива так себе.

Я попыталась представить, кому Павел мог довериться. О его жизни в последние годы я практически ничего не знала, были у него друзья или нет, тоже неизвестно, ни одного имени он при мне не упоминал. Но документы, судя по всему, существуют, и это внушает определенные надежды. Ник пожертвовал большие деньги, чтобы вытащить меня из дерьма, конечно, не из-за доброты душевной, он делал ставку на эти документы и решил во что бы то ни стало их получить, значит, меня ожидают тяжелые времена.

Я мысленно усмехнулась: а когда было иначе? Выходило, что в моей жизни ничего не изменилось.

Не успела я войти в квартиру, как зазвонил телефон. Со мной желал поговорить следователь, причем незамедлительно, и я отправилась к нему, гадая по дороге, чего ждать от этой встречи. По иронии судьбы следователь оказался моим старым знакомым, но, несмотря на это, дружеской нашу встречу назвать было никак нельзя. С самого начала разговора он был настроен скептически.

– Странное дело, Юлия Витальевна, где вы появляетесь, там непременно вскорости фигурирует труп.

– А где я появилась? – в свою очередь съязвила я.

– Неужто не знаете, что ваш друг господин Миронов в настоящее время находится в больнице, в него стреляли.

– Занятно. Только он мне не друг, а знакомый. И я понятия не имею, где он. Я уезжала на пару недель из города, так что не в курсе.

– И ваш отъезд с этим печальным событием никак не связан?

– Конечно, нет. Я отдыхала на даче у подруги.

– Что так? У вас вроде бы свой прекрасный загородный дом, даже бассейн, я слышал, имеется.

– Имеется. Но мне хотелось побыть наедине с природой, а там большой поселок, народ снует туда-сюда. Вот я и решила…

– А где у подруги дача? – Я назвала адрес, которым снабдил меня Ник. – Далековато.

– Ага. Что как раз и ценно. Никто мне не мешал.

– Не мешал чему?

– Медитировать, – с серьезным видом ответила я. Он посмотрел с печалью, но комментировать мои слова не стал, записал адрес, правда, не удержался и буркнул:

– Проверить это нетрудно.

– Ради бога, от всей деревни осталось три дома и те нежилые.

– Не страшно вам там было?

– Я не боязлива.

– В этом не сомневаюсь. А может, все-таки есть причина, по которой вас вдруг потянуло к одиночеству?

– Причин сколько угодно.

– Интересно.

– Вам вряд ли. Депрессия у меня после потери мужа, в общем, жизнь не радует.

– Очень даже интересно, – хмыкнул он. – Как раз о потере мужа я и хотел с вами поговорить. Его ведь застрелили?

– Застрелили, – кивнула я.

– Кто, вы знаете?

– Нет. Ваши, кстати, тоже не знают. По крайней мере, никто арестован не был, следствие идет ни шатко ни валко, если вообще кто-то еще занимается этим делом.

– У вас не возникло желания самой что-то узнать?

– Странный вопрос. Если вам ничего не удалось, у меня вообще нет никаких шансов.

– Не скажите, – вновь усмехнулся он. – С вашими возможностями… очень может быть, что и узнали бы.

– Что за возможности вы имеете в виду? – удивилась я.

– Ну-ну, Юлия Витальевна, не скромничайте. Нам хорошо известно, кто у вас в друзьях числится.

– Да? Значит, вам известно больше, чем мне.

– Опять же я не уверен, что вы были искренни со следователем. Что-то ведь могли и утаить. Вполне извинительно, между прочим. Может, и за свою жизнь боялись? Дело-то странное. Что за деньги были на месте убийства вашего мужа, к примеру? Откуда они взялись? Вы утверждали, что не знаете. Но, может, догадывались?

– Если бы я о деньгах знала, то постаралась бы их убрать с глаз долой до вашего приезда и сейчас жила бы припеваючи.

Он засмеялся, приглядываясь ко мне, я тоже хихикнула, чтобы сделать ему приятное, но его симпатии не завоевала.

– Любящая женщина в подобной обстановке вряд ли будет думать о деньгах, или мужа вы не любили?

– Скажите, пожалуйста, какое это имеет отношение к теме нашей беседы?

– Прямое, Юлия Витальевна, – посуровел он. – Смотрите, что получается. Муж ваш убит, убийство по всем признакам заказное, действовал профессионал. А через некоторое время вы появляетесь в компании Дениса Миронова, у которого в городе дурная слава.

– Это точно, редкий подлец и к женщинам скверно относится.

Он опять засмеялся.

– Говорят, что под крышей охранной фирмы, – перешел на шепот следователь, – работает киллерская контора. – Он мне подмигнул, весьма собой довольный.

Я изобразила, как могла, потрясение:

– Серьезно? Говорят или правда?

– Правда, Юлия Витальевна, правда.

– Что же тогда вы мерзавца не арестуете?

Он обиженно нахмурился:

– Придет время, арестуем.

– Значит, одни разговоры, – сокрушенно вздохнула я.

– Решительному человеку доказательства ни к чему, если он, к примеру, не в милицию идти собирается, а свой суд вершить.

– Значит, в Миронова стрелял Зорро?

– Кто? – не понял он.

– Мститель. Защитник угнетенных. Что ж, возможно, не перевелись еще на свете чудаки.

– Почему же чудаки?

– Потому что вслед за этим последует либо тюрьма, либо кое-что похуже. Вендетта противозаконна, насколько мне известно, но для людей Миронова дело чести найти стрелявшего, кем бы они не были: профессиональными охранниками или убийцами.

– Тут вы правы, – кивнул он. – Уверен, они его ищут. Может, потому вас и потянуло в уединенное место?

– Не пойму, куда вы клоните, но на всякий случай обращаю ваше внимание на то, что уединенное место я покинула, хотя вы стрелка пока еще не нашли. Я в том смысле, что, если у ребят из охранного агентства имеются какие-то подозрения на мой счет, верхом глупости с моей стороны было бы появляться в городе.

– Признаться, я сегодня, услышав вас по телефону, тоже очень удивился.

– Чему? – сделав вид, что не понимаю, спросила я.

– Тому, что вы взяли да и вернулись.

– Не пойму, на что вы намекаете, – нахмурилась я.

– Бросьте. Все вы прекрасно понимаете. Из ресторана вы уехали с Мироновым. Через час после этого его доставили в больницу с огнестрельным ранением. Для вас, наверное, явился полной неожиданностью тот факт, что он остался жив. И

вы поспешили исчезнуть.

Я усмехнулась, глядя на него:

– Вы, видимо, мало осведомлены о привычках Миронова. Без охраны он нигде не появляется. Так что отправиться с ним из ресторана и стрелять по дороге мог только камикадзе.

Это замечание произвело впечатление на следователя, он замолчал, рисуя авторучкой круги на листе бумаги.

– Для меня загадка, почему вы сидите передо мной в таком цветущем виде, – вдруг заявил он. – Либо вы каким-то образом смогли договориться, либо… работы у нас в скором времени прибавится.

– Намекаете, что очередным трупом буду я? И с какой стати? Вы всерьез решили, что в Миронова стреляла я? Чушь. Он высадил меня…

– Не сомневаюсь, что вы дословно повторите его показания, – перебил меня следователь. – Поначалу охранники вовсе отказывались говорить, а потом только и делали, что вас выгораживали. И они, и сам недостреленный.

– Может, в отличие от вас, они люди здравомыслящие?

– Очень интересно, Юлия Витальевна, что такое у вас есть на Миронова, если он не решился вас тронуть? – медленно произнес он, глядя мне в глаза.

– Это простое любопытство или…

– Или. Очень бы хотелось, чтобы это «что-то» оказалось у нас, возможно, тогда мы избавили бы город от этого мерзавца.

– С удовольствием помогла бы родной милиции, да нечем, – развела я руками.

– Не спешите с ответом, – серьезно сказал он. – Подумайте.

– Если бы я могла его посадить… – мечтательно протянула я.

– Тогда что? Не стали бы стрелять?

– Это ваши фантазии…

– Подумайте, Юлия Витальевна, хорошо подумайте.

После этого он перешел на сугубо деловой тон, задал надлежащие вопросы, а я на них надлежаще ответила, подписала протокол и, простившись, отбыла. Напоследок он извинился за беспокойство и намекнул, что просто так от меня не отстанут и встретиться нам еще не раз придется. Это как раз беспокоило меньше всего. На меня у них ничего нет, иначе разговаривал бы он по-другому. Но мысли о Дене настроения мне отнюдь не улучшили, и я поехала домой, утешая себя тем, что придет вечер, и мы увидимся с Машкой.

Она позвонила где-то через час:

– Салют. Купила в аптеке «Мирену». – Я вслушивалась в ее голос, боясь обнаружить в нем недавнюю тоску, но он звучал весело. – Однако дороговато.

– Зато надежно.

– Верю на слово.

– Верь. Испробовала на себе.

– Запиши меня к своему врачу.

– Без проблем.

– Ты помнишь, что мы идем в ресторан?

– Конечно.

От нечего делать к этому мероприятию я начала готовиться заранее. Долго выбирала платье, потом сидела перед зеркалом и разглядывала свою физиономию. Она мне не нравилась, а если честно, откровенно пугала, потому что у меня было лицо человека, которого я не знала. Тут я плавно перешла к размышлениям, а что я за человек, и неудержимо скатилась в слезливое самокопание. Хотя жалко мне себя не было, противно – да, а жалко – почти никогда.

Я поспешила отвлечься от этих мыслей, тут и Машка позвонила, они приехали на такси и ждали возле моего подъезда. Мы отправились в ресторан «Эгоист», он открылся всего месяц назад. Машка была оживленна, держала Тони за руку и торопливо пересказывала какой-то фильм, виденный ею вчера по телевизору. Я кивала с большим энтузиазмом, будто это как раз то, что больше всего волнует меня в настоящий момент. Время от времени я ловила на себе взгляд Антона, настороженный и даже испуганный, хотя это, конечно, глупость, чего ему бояться? В отличие от Машки он был неразговорчив, предпочитал улыбаться, практически не участвуя в нашей болтовне. То, как он смотрел на Машку, как ухаживал за ней, окончательно убедило меня в том, что ее беспокойство не более чем глупые бабьи страхи.

Стоило Машке уйти в туалет, как за столом возникла неловкая пауза. У меня из головы все никак не шел наш недавний разговор с Машкой про «Мирену» и просьба подруги записать ее к врачу. Тони вертел в руках салфетку, сосредоточив на ней все свое внимание, я чрезвычайно увлеклась рыбным ассорти.

– Как дела у Олега? – вдруг спросил он и досадливо поморщился, должно быть злясь на себя за этот вопрос. – Мы довольно давно не виделись, – будто извиняясь, добавил он.

– По-моему, все прекрасно, – ответила я. – Вчера он заезжал сообщить, что между нами все кончено.

Антон уставился на меня с таким видом, словно пытался решить: шучу я или говорю серьезно.

– Вы поссорились? – уточнил он.

– Нет.

– Тогда я не понимаю…

– Не обращайте внимания. – Мне вдруг стало жаль Антона, не его вина, что друг у него редкая сволочь. – Наши отношения простыми не назовешь. Но я успела к ним привыкнуть, уверена, он – тоже.

– Где вы были все это время? Маша так волновалась…

– Я уже извинилась перед ней. Хотелось побыть одной.

– У вас правда все в порядке? – с запинкой произнес он.

– Да, конечно, – кивнула я. – Может, и с Олегом еще помиримся.

На счастье, вернулась Машка, и разговор прервался. Она наклонилась ко мне и шепнула:

– Посмотри, кто здесь.

– Что за секреты? – улыбнулся Тони.

– Никаких секретов. Просто один наш знакомый.

Я повернула голову и за угловым столиком увидела Долгих в компании полного мужчины лет пятидесяти и платиновой блондинки в декольте, ей было хорошо за сорок, но она явно предпочитала об этом не вспоминать, по крайней мере, вела себя как капризная девица. Толстяку это вроде бы нравилось, он хватал ее за руки и шумно целовал их. Долгих взирал на разыгравшуюся сцену с улыбкой, которая казалась слегка утомленной. «Может, ему просто надоело растягивать рот до ушей», – подумала я. И тут наши глаза встретились. Его взгляд вновь поразил меня. Умный, ироничный и бесконечно усталый. Если бы я не знала, кто передо мной… то что? Одно несомненно: мой давний заклятый враг по иронии судьбы имел внешность стопроцентного положительного героя, даже самый проницательный человек не распознал бы в нем злодея.

Долгих едва заметно улыбнулся и кивнул мне, а я поспешила отвернуться, успев заметить, что блондинка и толстяк с интересом посмотрели на меня.

– Это ведь Вадим Георгиевич? – вроде сомневаясь, спросил Тони.

– Он самый, – кивнула Машка.

– Может, стоит подойти поздороваться?

– Не стоит, – покачала она головой.

– Да?

– Пусть люди отдыхают.

Я поспешила избавиться от мыслей о человеке, что сидел за моей спиной, но в тот вечер нам все-таки пришлось сказать друг другу несколько слов.

Я возвращалась из дамской комнаты и столкнулась с ним у входа в зал.

– Добрый вечер, – сказала я и нашла в себе силы улыбнуться. Пройти мимо, не поздоровавшись, казалось мне невежливым, хотя какая, к черту, вежливость. Он прекрасно знал, что за чувства я испытываю к нему, догадывался уж точно, если давал себе труд вообще думать об этом. Я была уверена, что он, кивнув в ответ, пройдет мимо, но он вместо этого задержался и произнес без насмешки:

– Прекрасно выглядите.

– Спасибо.

– Вы редкая женщина, Юля, страдания вас как будто украшают.

– Вас это огорчает? – съязвила я, хоть это и было неразумно.

– Нет, что вы. Радует.

– Здорово. А я вот повода радоваться, признаться, не вижу.

– Неужели? – поднял он брови.

Я насторожилась, ожидая, что он еще скажет, и досадуя на себя за только что произнесенные слова.

– Вам не приходило в голову, что вы в рубашке родились?

Надо полагать, это намек на мое скверное поведение и его не знающую границ доброту, благодаря которой я до сих пор жива.

– Наверное, так и есть, – поспешно согласилась я.

– Не советую испытывать судьбу до бесконечности, – отрезал он. Это уже походило на угрозу.

Пока я соображала, что ответить, он улыбнулся и, кивнув мне, пошел дальше.

– Чтоб тебя, – пробормотала я под нос и поспешила к своему столику.

– Что он тебе сказал? – забеспокоилась Машка.

– С его точки зрения, я прекрасно выгляжу.

– Вот сволочь.

Тони с недоумением переводил взгляд с жены на меня.

– В чем дело? – спросил он.

– Так, проехали, – нахмурилась Машка.

– Нет, серьезно, чем он вам не угодил? По-моему, Вадим Георгиевич…

– Он просто душка, – перебила его Машка. – Кто бы спорил?

Тони замолчал, нахмурившись и сообразив, что объяснений не дождется. А я за него порадовалась, он жил в мире, где не надо ежедневно бороться за свою жизнь, где такие, как его друг Рахманов и этот Долгих, были вполне приличными людьми и даже вызывали симпатию. Интересно, что было бы, узнай Антон правду? Тони странный парень, так что остается лишь гадать. Вполне вероятно, что он на старинный манер отказался бы пожать руку мерзавцу. Пусть пребывает в иллюзиях, крепко спит по ночам и считает своего друга отличным парнем.

Мы пытались вернуться к ничего не значащей болтовне, но беседа не клеилась. Я взглянула на часы, пора отправляться к Виссариону, негоже пренебрегать своими обязанностями.

– Что ж, по домам? – сказала я.

Машка, взглянув на меня, кивнула. Тони расплатился, и мы пошли к выходу.

– Мы отвезем вас, – ожидая такси, предложил Тони.

– Не стоит. Пройдусь немного.

– Ты домой? – спросила Машка.

– Переоденусь и в «Бабочку».

Тони взглянул на меня в замешательстве и после недолгой душевной борьбы задал вопрос:

– Вы опять там работаете?

– Да. Безделье дурно сказывается на моем характере.

– Юля, – игнорируя сердитый взгляд Машки, неуверенно начал он. – Почему бы вам не найти более подходящую работу?

– А эта чем плоха? – удивилась я.

– Я ничего такого не имею в виду… Просто такая девушка, как вы…

– Да-да, у меня масса талантов, одна беда – я ленива. Так что эта работа как раз по мне. Только и дел, что развлекать шлюх игрой на рояле.

– Я ведь серьезно говорю, – обиделся Тони. – Хотите, я вам помогу с трудоустройством?

– Виссарион мне никогда не простит ухода, – хихикнула я. – Мы ж не просто так, у нас миссия – нести в массы доброе, вечное.

– Иди, – засмеялась Машка. – А ты отстань от нее! – прикрикнула она на мужа. – Лучше поищи себе приличную работу, а то горбишься на заводе за копейки.

Я дождалась, когда они, устроившись в такси, отъедут, помахала Машке рукой на прощание и побрела домой.

Утром явился Ник. Мысль о том, чтобы искать иголку в стоге сена, у него, как видно, энтузиазма не вызывала, и он начал изводить меня придирками. Чтобы его задобрить, я приготовила кофе, но это не помогло.

Мы отправились в заведение, которое в нашем списке стояло первым. Это было крошечное кафе на окраине, куда, если верить донесению наблюдателей, Павел заезжал пообедать. Шесть столов и барная стойка. Девушки-официантки выглядели усталыми, несмотря на начало рабочего дня, и взирали на клиентов как на личных врагов. Улыбки, которые периодически появлялись на их лицах, были до того фальшивыми, что против воли хотелось сказать им гадость.

– Ну, какие будут идеи? – спросил Ник, устраиваясь за свободным столом и презрительно оглядываясь. Я тоже огляделась. С моей точки зрения, только олух мог попытаться здесь что-то спрятать. Стены голые, батареи забраны решетками. Стол и стулья как тайник не годились, их могли переворачивать, когда мыли полы, хотя, судя по всему, о чистоте здесь особо не пеклись.

– Зал не годится, – констатировала я, чтобы Ник не усомнился в моем желании что-то найти. – В конце концов, это только первая попытка.

– Утешила, – фыркнул он.

– Не злись.

– Что ты, милая. Для меня такое счастье таскаться с тобой по дешевым кафешкам, тем более что занять себя совершенно нечем.

– Давай я поболтаюсь по дешевым кафешкам в одиночестве, чтобы у тебя не портилось настроение.

– Лучше подумай, где твой муженек мог спрятать ключ, приди ему такое в голову именно в этом месте.

Я пожала плечами.

– Знаешь, он, как и ты, не любил дешевые кафе. – Заметив, что Ник принял это замечание без восторга, я поспешно сказала: – Если не зал, то, скорее всего, туалет. Пойду взгляну.

Кабинка туалета была до того тесной, что в ней невозможно было повернуться. Я добросовестно все осмотрела. Взобралась на унитаз, сняла решетку вентиляционного люка и, сунув туда руку, малость пошарила. «А что, если я действительно нашла бы здесь ключ?» – подумала внезапно. Слишком фантастично. Но ведь куда-то Павел дел эти бумаги?

Сливной бачок и унитаз были мною тщательно осмотрены, и с чувством выполненного долга я вернулась в зал. Ник с видом мученика пил кофе, игнорируя испуганные взгляды девиц. Странное дело, Ник производил на разных людей практически одно и то же впечатление: поначалу человек настораживался, а потом у него возникало желание бежать подальше со всех ног. Убежать девицы не могли и молча тосковали.

– Ну, что? – буркнул Ник. Я развела руками.

Если уж изображать бурную деятельность, то по всем правилам. Я подозвала одну из девушек и сунула ей фотографию Пашки. На снимке мы с ним вдвоем стояли на ступеньках ЗАГСа, я с огромным букетом в руках… Фото я сложила пополам, чтобы моя донельзя сияющая физиономия не отвлекала девушку.

– Не помните, этот парень к вам заглядывал?

Официантка посмотрела внимательно и кивнула, к моему великому удивлению. Судя по тому, что Ник подавился кофе, он был удивлен еще больше.

– Как же, помню его.

– Давно это было? – откашлявшись, спросил он и зря это сделал, девушка сразу же насторожилась:

– Давно. В начале лета, наверное.

– И ты его запомнила? – усомнился Ник.

– Конечно. Такой красавчик. А в чем дело? – додумалась спросить она.

Ник достал из кармана джинсов липовое удостоверение и сунул ей под нос. Только идиот мог поверить, что он служит в милиции, но девица сразу приняла ответственный вид, хотя ее беспокойство лишь усилилось.

– Что он натворил? – спросила она.

– Уклоняется от алиментов, – хмуро сообщил Ник.

– Да вы что? А мне сказал, что не женат. Я все ждала, может, позвонит.

– Он многодетный аферист-многоженец, – развил тему Ник. – Так что тебе крупно повезло…

– Чего мне повезло? – не поняла она.

– Просто повезло, поверь на слово, – вздохнул Ник. – Часто он здесь появлялся?

– Нет. Один раз всего и был. Сидел с другом.

Мы переглянулись. Если верить наблюдателям, в кафе Павел обедал в одиночестве.

– А ты ничего не путаешь? – ласково спросил Ник.

– Чего мне путать? Павел у окна сидел, вот здесь, а друг у самой двери.

– А чего так-то, поссорились, что ли? – вздохнул Ник, сообразив, что разговор с официанткой предстоит занятный.

– Нет, вроде не ссорились. Павел пришел, сделал заказ, ну, мы с ним немного поболтали. Я ушла на кухню, возвращаюсь, вижу, еще один стол занят, не помню, кажется, парень с девкой пришли или две девки…

– Девок пропусти, про друга давай.

– Ну, может, он и не друг ему, но знакомый точно, – задумалась девица, Ник еще раз тяжко вздохнул, а она поспешно сказала: – Вот за этим столом тот мужик сидел. И они с ним разговаривали.

– О чем? – спросил Ник.

– Не помню.

– Что, вообще ничего не помнишь?

– Ничего особенного они не говорили. Так, обычный разговор. А когда Павел стал со мной заигрывать, тот засмеялся и говорит: «Вы с ним поосторожней, девушка, он у нас известный сердцеед», – вот я и подумала, что они друзья, ну, что знакомы раньше были.

– Значит, как этот мужик вошел, ты не видела? – вновь задал вопрос Ник.

– Так он это, не с улицы вошел, а через черный ход, со двора. Мне Любка-повариха потом сказала. Она видела, как этот тип мимо прошмыгнул, и решила, что он ко мне, еще выговаривать стала.

– Интересно, и часто к вам клиенты через черный ход заглядывают?

– Если только знакомые, вот Любка и решила, что он ко мне.

– Дальше что было?

– Ничего. Павел расплатился и уехал, а этот остался. Минут через двадцать тоже ушел. Я думала, может, Павел вечером заедет к концу смены, но он больше не появлялся.

– А мужик этот еще не заходил?

– Нет вроде. В мою смену точно нет. А так не знаю.

– Как он выглядел?

– Мужик? Ну, лет сорок, полный такой, волосы длинные, я уж и не помню, мужик как мужик. Да, у него наколка на руке была, якорь.

– Морячок, значит, – усмехнулся Ник. – Ты вот что, красавица. Если вдруг его еще увидишь, позвони по этому телефончику. – Ник протянул ей карточку, на которой был лишь номер телефона и его имя-отчество, Никита Сергеевич. Девушка пожала плечами, но карточку взяла.

– А, вот еще что, – всплеснула она руками. – Павел на стуле какие-то бумаги оставил в папочке. Я хотела их забрать, думала вернуть при встрече, но этот меня опередил. Я, говорит, сейчас ему позвоню, и папку взял.

– Что было в папке, не знаешь?

– Конечно, нет. Я ж в нее не заглядывала. Тонкая такая, папка для бумаг, белая.

– Бумаг в ней много было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/vse-tochki-nad-i

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити